

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

The background of the cover is a detailed illustration. In the foreground, a modern soldier in full combat gear, including a helmet and a tactical vest, stands on a rocky, uneven terrain. He is holding a modern assault rifle. In the background, there are two prehistoric figures. One is a woman in a simple, light-colored dress standing on a rocky outcrop. The other is a man with a long, dark beard and a loincloth, holding a spear and a shield, standing in a cave-like opening. The overall scene suggests a clash between modern warfare and prehistoric life.

АЛЕКСАНДР БЫЧЕНИН
САФАРИ.
РАЗВЕДКА БОЕМ

Вселенная Сафари

Александр Быченин
Сафари. Разведка боем

«Быченин Александр »

2012

Быченин А. П.

Сафари. Разведка боем / А. П. Быченин — «Быченин Александр», 2012 — (Вселенная Сафари)

ISBN 978-5-9922-1207-5

В жизни всегда есть место слепому случаю, способному перевернуть ее с ног на голову. Для капитан-лейтенанта Александра Тарасова таким случаем стала банальнейшая операция по захвату «черного археолога». Разве мог он предположить, что обнаруженная на борту ключ-карта от телепорта приведет к столь печальным последствиям? Шутка ли – одиночное «сафари» на планете, почти сто лет отрезанной от Федерации? Без поддержки, с отказавшей электроникой и призрачными шансами вернуться на родную базу. Ну безопасники удружили! А как все хорошо начиналось: пошел, посмотрел, вернулся... Теперь расхлебывай. Но ни аборигены, ни загадочные «люди с неба» не смогут заставить опытного штурмовика опустить руки. Тем более что и друзья на Ахероне неожиданно отыскались...

ISBN 978-5-9922-1207-5

© Быченин А. П., 2012

© Быченин Александр, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Быченин

Сафари. Разведка боем

Пролог

Окрестности системы эпсилон Индейца

15 января 2535 года

Знаете, какая у меня мечта? Убить проектировщика абордажного модуля. Запихнуть в тесную бочку настолько некомфортные кресла мог только убежденный садист. Мне сейчас по долгу службы положено к бою готовиться, а я вместо этого затекие конечности пытаюсь удобнее пристроить и одновременно умудряюсь изучать картинку со сканера наружного наблюдения. Ничего в общем-то сверхординарного: из темноты космоса медленно наплывал борт трехсотметровой громады старого камиона, перестроенного хитромудрым владельцем в рейдер. По сути, весь корабль представлял собой огромный топливный бак с запасом активного вещества на пару-тройку лет автономных действий в глубоком космосе. Что неудивительно – корыто, приблизившееся уже настолько, что стали видны усеявшие обшивку царапины, принадлежало черному археологу. При такой профессии не каждый месяц имеется возможность зайти в порт для пополнения запасов. К тому же это рискованное занятие – власти планет Федерации не очень-то приветствуют разграбление могил, и вояж в обитаемый мир легко может закончиться «посадкой» на нары. Собственно, и вне планетных систем проще простого нарваться на флотский патруль, особенно здесь, на Фронтире. Доказательством тому служит ваш покорный слуга, упакованный в бронекостюм второго класса защиты, навьюченный кучей оружия и спецназовских приамбасов.

Абордажный модуль в направлении подозрительного корабля десять минут назад отстрелила катапульта патрульного фрегата «Отважный». В ближайшие три минуты он прилипнет к камиону в районе пассажирского шлюза, и начнется работа, ради которой я и пятеро моих подчиненных теснимся в десантном отсеке бочки из композитного сплава.

Завязка истории с черным археологом была достаточно банальна. На тянущий рутинную патрульную лямку «Отважный» поступил из Сети сигнал об обнаружении старого грузовика, маневрировавшего на границе эпсилон Индейца с явным намерением направиться к внутренним планетам системы. Что уже подозрительно, так как еще со времен Войны система покинута, и, кроме обломков кораблей и развалин военных баз, в ней нет ничего интересного. К тому же эпсилон Индейца закрыта для посещения – в плоскости эклиптики торчит гравитационная аномалия. Злые языки связывают ее происхождение с утерянным экспериментальным оружием Федерации, применявшимся в войне более ста лет назад. Впрочем, согласно другой теории данная аномалия возникла вследствие использования гравитационной пушки легорийцами, а по третьей и вовсе является естественным природным образованием. Однако факт остается фактом: гражданским навигация в системе запрещена.

Вахтенный офицер «Отважного» послал на камион запрос через Сеть. Шкипер обращение проигнорировал и попытался скрыться в астероидном поясе. Вызванный по такому случаю на мостик командир «Отважного» кап-3 Дмитров дал команду на перехват. Фрегат за каких-то полчаса совершил сверхмалый гиперпрыжок, догнал грузовик почти на самой границе астероидного поля и нанес удар из ЭМ-орудия. Электромагнитный импульс обрушил командные цепи маршевых двигателей камиона, и тот был вынужден резко замедлиться. Соваться в мешанину камней и кусков льда на практически неуправляемом корабле не отважился бы и самый безбашенный капитан.

Нарушитель тут же был опознан. Название «Ловкач», выведенное по бортам десятиметровым шрифтом, не оставляло сомнений – корабль принадлежит Рику Стражински, человеку, объявленному Службой безопасности в розыск за злостное попрание законодательства четырех систем Федерации – в виде контрабанды, а также незаконную археологическую деятельность.

В дело вступила абордажная команда, то есть я и еще пятеро бойцов – «элита морских пехотинцев Военно-космических сил Федерации», как пишут на сайте призывной комиссии. Предельно идиотское название для частей силовой поддержки кораблей Флота. Какие мы, на фиг, морские пехотинцы! Многие из нас и моря-то ни разу в жизни не видели. Однако же прижилось еще со времен США, да так и осталось, несмотря на абсурдность, – традиция!

Испещренный царапинами борт камиона навалился глыбой, чмокнули магнитные захваты. Из торца абордажного модуля выдвинулась гофрированная кишка переходного рукава, присосалась чуть выше и левее основного пассажирского шлюза. Место стыковки было выбрано не случайно. В этом районе в бронеплите имелась глубокая каверна технического коридора, отделенная от холода космоса одним лишь пятисантиметровой толщины листом композитной стали.

Абордажники в строгом порядке, сотни раз отработанном на тренировках и в реальных условиях, просочились в переходный рукав. Четверо прижались к стенам, приготовив оружие. Пятый – сержант Черенков, наш штатный подрывник – распылил на люк из баллончика раствор «симплекса». Пришлепнул миниатюрный взрыватель, отскочил на пару шагов назад и с криком «Бойся!» активировал подрывную машинку. Коротко пыхнуло, и кусок броневой плиты испарился, открыв доступ в технический коридор. В дыру тут же нырнули бойцы первой двойки – ефрейтор Николаев и рядовой Бергер. В их задачу входила зачистка коридора от противника, буде таковой обнаружится. Через пару минут сопение в переговорниках прервалось коротким: «Чисто», и в проеме скрылась еще одна штурмовая пара – младший сержант Иванов и рядовой Лемаев. Пожалуй, пора. Я протиснулся в узкий лаз тоннеля, Черенков шагнул следом.

Герметичная дверь, отделявшая технический коридор от «предбанника» шлюза, была аккуратно вскрыта. В самом помещении пусто – бойцы убыли выполнять основную задачу: первая двойка должна захватить машинное отделение, вторая направилась в жилой сектор. На нашу с сержантом долю осталась ходовая рубка.

Общеизвестно, что грузовик подобного типа не требует большой команды. Для осуществления навигации с избытком хватит двоих – дежурного моториста в машинном отделении и пилота. Однако космические полеты дело довольно длительное, поэтому служба несется восьми- или двенадцатичасовыми вахтами. При движении в гиперпространстве достаточно одного специалиста на рабочее место, но при маневрировании в обычном космосе посты как минимум удваиваются. Получается, что для успешного управления кораблем необходима команда из одиннадцати человек – две вахты пилотов, две вахты мотористов, командир корабля, медик и повар. Корабль не военный, вооружен по принципу достаточности, при этом все оружейные системы максимально автоматизированы. Управление вооружением завязано на пост второго пилота, которому в случае необходимости остается лишь подать команду. Учитывая тот факт, что корабль-нарушитель – черный археолог и по совместительству контрабандист, можно с большой долей вероятности предположить присутствие на борту собственно копателей, то есть людей, непосредственно занятых осмотром и грабежом старых обломков в космосе и на планетах. Обычно численность такой команды не превышает пяти – восьми человек. Сейчас, скорее всего, весь экипаж за исключением дежурной вахты сосредоточен в жилом секторе. Иванову с Лемаевым придется изрядно потрудиться.

Традиционно наибольшую опасность представляли обитатели ходовой рубки. Данные товарищи уже знали о нашем присутствии на борту, и у них было время подготовиться к

встрече. А посему захват данного отсека приходилось осуществлять самым опытным членам абордажного отряда – командиру, то есть мне, и его напарнику, в данном случае сержанту Черенкову.

Черный археолог, пусть и не чурющийся контрабанды, далеко не пират, хотя и совершает противоправные деяния. Зачастую это образованный человек, не обделенный мозгами – тупому в бизнесе делать нечего. Местоположение добычи еще нужно вычислить, а значит, необходимо умение работать с информацией, сопоставлять и анализировать факты, с головой зарываясь в архивы. Космос велик, и если координаты крупных стычек и оборонительных поясов общеизвестны, то определить расположение конкретного корабля или орбитальной крепости – та еще задачка. Подготовительная работа, как правило, занимала вдвое больше времени, чем само путешествие к вычисленному объекту и его грабеж. С одной стороны, с интеллигентными людьми дело иметь проще – вряд ли такой персонаж примется палить из автомата в представителей власти. С другой стороны, сложнее: нельзя просто закидать отсеки корабля гранатами и потом добить уцелевших или тем паче расстрелять корыто из главного калибра фрегата. Черный археолог подлежит задержанию, а не уничтожению. А посему приходится работать специально обученным малым абордажным группам.

Двойка сержанта Иванова сейчас размеренно движется по коридору жилого сектора, занятая привычной работой. Иванов с парализатором контролирует возможные перемещения членов экипажа. Рядовой Лемаев вышибным зарядом проделывает в двери дыру и закидывает в каюту гранату-«глушилку». Немудреный ритуал повторяется энное количество раз, согласно числу «апартаментов». Попавшие в зону действия «глушилок» пассажиры теряют дееспособность примерно на полчаса. Этого времени с избытком хватает, чтобы нацепить на всех попавших под раздачу наручники и дожидаться стыковки с фрегатом. Далее в дело вступает призовая команда, волокущая пленников и трофеи на патрульное судно.

Параллельно Николаев и Бергер при помощи спецкомпа взламывают замок люка в защитной переборке, проникают в реакторную и захватывают дежурную вахту мотористов.

Тем временем мы с Черенковым пересекли «предбанник» шлюза и по длинному коридору от кают-компаний дошли до ходовой рубки, где и уперлись в броневую плиту. Прислонив к замку спецкомпа, я запустил программу взлома. Через пару секунд в утробе люка что-то щелкнуло, и он утонул в переборке. Тут же навстречу нам хлестнули автоматные очереди. Не ожидавшего подобного приема Черенкова отбросило ударами двух пуль в грудь и третьей по шлему, я же оперативно распластался на палубе, укрывшись за комингсом.

– Рик, ты охренел?! Ты чего творишь, скотина?.. – в бешенстве заорал я, лихорадочно напарив «глушилку». – Порву ведь на британский флаг!!!

В ответ снова расчетливыми короткими очередями захлопал автомат. Ну я вам сейчас покажу, хлопчики... Свернув голову «глушилке», я забросил ребристый цилиндрок в рубку. Дождался яркой вспышки, смягченной поляризованным забралом шлема, и рывком из положения лежа закинул тело в люк. В момент броска баллистический компьютер активировал защитное поле, однако ударов пуль я не ощутил. Плюхнувшись на пузо, тут же откатился прочь с линии огня. За мгновение комп засек три цели, две из которых – в кресле пилота и на командирском месте – классифицировал как неопасные. Они были полностью дезориентированы и с трудом воспринимали происходящее. А вот третий человек в рубке явно крепкий орешек.

Скафандра на нем я не обнаружил, но однозначно была какая-то защита. Он меня видел, и ствол автомата поворачивался в мою сторону, пускай и не слишком уверенно. Не дожидаясь выстрела, я всадил заряд парализатора ему в грудь, однако противник словно и не заметил попадания. Указательный палец на спусковом крючке напрягся, в это мгновение я перекатом ушел вправо, выпустив из рук бесполезный парализатор, и тут же прыгнул. Ударил всем телом, впечатав оппонента в стену. Не дав вражине опомниться, боднул его шлемом в лоб и для вер-

ности воткнул колено в солнечное сплетение. Этого оказалось достаточно, и противник бесформенной массой сполз по стенке.

Приблизившись к отоваренному «глушилкой» Рику, я без заморочек вколол ему прямо через одежду стимулятор. Спустя несколько секунд тот перестал трястись, как эпилептик, и с затаенным страхом и одновременно с каким-то облегчением уставился на меня.

– Что тут происходит? – поинтересовался я, пригвоздив археолога к креслу тяжелым взглядом. – Ты совсем страх потерял? Что это за тип с автоматом?

– Эт-то К-к-к-курт С-с-содерберг, – выдал тот, лязгнув зубами от страха. – К-к-к-кличка В-в-в-веревка...

– Успокойся!

– Он... Он мне угрожал, заставил идти в систему эpsilon Индейца. Надеялся найти тут что-то очень ценное. Я не знаю, откуда у него сведения, и не знаю, что он точно хочет найти. Но последнюю неделю он вел себя как сумасшедший – на людей кидался, начал таскаться всюду с автоматом и генератором поля...

Понятно теперь, почему парализатор его не взял, да и «глушилка» тоже. Не понятно только, что его заставило так нервничать. А ну-ка, что это у него из кармана торчит? Карта, всего лишь древняя ключ-карта. Ничего особенного.

Ожил передатчик – сержант Иванов доложил об окончании зачистки жилого сектора. Тут же в разговор вклинился Николаев – у него тоже дела шли нормально. Н-да... Я таким успехом похвастаться не мог.

– Вытяти руки перед собой, – приказал я пленнику и извлек из кармана «разгрузки» полоску одноразовых наручников.

Тот, понятно, возражать не стал и терпеливо перенес экзекуцию. Затем я для надежности нацепил такие же наручники на пилота и бесчувственного отморозка. Ключ-карта перекочевала в мой собственный нагрудный карман. Осмотрев Вережку внимательнее, больше ничего стоящего не обнаружил – обычные мелочи, каких полно в карманах любого космонавта. Его автомат валялся рядом – «Манлихер R-315», гражданская версия под слабенький унитар калибра 5,56 мм, но переделанная под фулл-авто. Что незаконно, кстати. Судя по всему, загадочный Курт Вережка Содерберг пиратом не был. Он скорее походил на мелкого уголовника, умудрившегося где-то натолкнуться на что-то ценное, и этим ценным отчаянно не хотел ни с кем делиться. Вот и нервничал, даже стрелять начал.

В коридоре что-то зашуршало, затем до слуха моего донеслась невнятная ругань – Черенков очнулся. Хоть в него и попали из гражданской игрушки, полновесный удар трех пуль даром не проходит – как минимум обеспечены компрессионные переломы нескольких ребер и сотрясение мозга. Жив остался, и то хлеб. Будь у Вережки что-то типа «вихря» – и кранты, насквозь прошло бы...

Со стороны правого борта послышался скрежет и короткий удар – фрегат «Отважный» пристыковался к плененному «археологу». Кавалерия прибыла.

Глава 1

*Система Вольф-1061, планета Бурная,
база космолота «Северная»
21 февраля 2535 года*

Привычно измерив шагами центральный коридор штаба дивизиона, в этот предполуденный час изрядно забитый спешащим по своим надобностям служивым народом, я вошел в ставший уже родным брифинг-зал. Занял крайнее правое кресло в первом ряду, на спинке которого красовалась табличка «кап. – лейт. Тарасов А. А.».

На первый взгляд зал, рассчитанный на пятьдесят мест, был пуст. Однако более пристальное изучение полумрака помещения, предназначенного для предварительного инструктажа абордажных групп, выявило наличие в нем еще четверых незнакомых военных. По извечной войсковой привычке в новом месте они стремились обратиться в невидимок – просто так, осторожности ради и сохранения возможности маневра для. Сам такой же. Это я местный, а потому и завалился так нагло в зал и уселся в именное кресло, никого и ничего не опасаясь. Хотя поводы для раздумий присутствовали. Судите сами: внезапный вызов в середине дня, да еще и без остальной команды, две недели, оставшиеся до отправления в патрульный рейд фрегата «Отважный», к каковому я как офицер Морской пехоты ВКС Федерации был приписан вкупе с вверенным подразделением, плюс полное отсутствие каких-либо слухов среди личного состава. По совокупности признаков можно смело утверждать, что намечается нечто из ряда вон. Впрочем, годы службы давно отучили строить какие-либо предположения. Проще дожидаться начальства, уж оно-то, родимое, снимет все вопросы. Или не снимет – это как получится. Зависит от степени секретности задания, настроения старшего по званию, тяжести похмельного синдрома капитана первого ранга Борщевского и множества иных, зачастую неочевидных, факторов.

Автоматическая дверь брифинг-зала скользнула в стену, пропустив в помещение того самого кап-1 Борщевского – командира второго патрульного дивизиона Флота-2, базирующегося на «Северной», – в сопровождении двух офицеров, затянутых в полевую форму управления «Космос» Службы безопасности Федерации. Один из вошедших безопасников пребывал в звании старшего лейтенанта, второй, в годах и с проглядывавшими из-под фуражки залысинами, – аж целого подполковника. С ним я уже был знаком.

Два дня назад капитан первого ранга Борщевский вызвал меня для приватной беседы. Завалившись к нему в кабинет, я застал там сутуловатого подполковника-безопасника и своего непосредственного начальника. Борщевский прервал на полуслове доклад о прибытии, буркнув что-то вроде «пообщайтесь», и из кабинета немедленно удалился. Безопасник окинул меня внимательным колючим взглядом и жестом предложил присаживаться. Я привычно занял гостевое кресло, в котором обычно сидели посетители, конечно, если не получали от Борщевского нагоняй. В этом случае полагалось стоять по стойке «смирно» в самом центре кабинета и пожирать начальство глазами, не опускаясь до оправданий.

– Капитан-лейтенант Тарасов, Александр Александрович?

– Так точно!

– Инспектор управления «Космос» СБФ подполковник Калинин. Мне бы хотелось побеседовать с вами, капитан, в, так сказать, неформальной обстановке... – Безопасник удобней устроился в кресле, уставился в монитор вмонтированной в стол информсистемы. – Вот тут у меня досье на вас. Родился в 2503 году, в двадцать шестом окончил Самарский технический университет, очное отделение факультета «Общее машиностроение». Призван во Флот в звании лейтенанта Технической службы, в двадцать девятом переведен в корпус Морской пехоты,

подразделение силовой поддержки патрульного фрегата, с 2531 года командир взвода, с тридцать второго и по сей день – командир штурмового отряда. Все верно?

– Абсолютно. Что бы вы хотели уточнить, товарищ подполковник? – Я пока не смог понять, куда клонит собеседник, а потому решил плыть по течению и тупо отвечать на вопросы.

Кстати, весьма неплохая тактика, когда не знаешь, чего от тебя хотят.

– У вас высшее техническое образование. Окончили очно гражданский вуз. Как же вы во Флот попали? – вздернул бровь подполковник.

– Все просто. Я окончил военную кафедру по специальности «Транспорт, техническое обеспечение и тяжелое вооружение малых штурмовых групп», военно-учетная специальность 02063. Попал под призыв, уклоняться не стал. Было интересно попробовать себя во Флоте.

Ну да, с работой пролетел после выпуска, вот и не стал кочевряжиться. Обычно около двадцати процентов выпускников военных кафедр призывают в ряды, так сказать, вот я и попал под раздачу. Причем весьма удачно. Служба оказалась интересной и где-то даже захватывающей. Потому, отслужив положенный срок техником-оружейником, остался во Флоте, но уже по контракту.

– Срочную проходили в Технической службе?

– Да, техник-лейтенант патрульного фрегата, командир группы технического обеспечения штурмового отряда. Занимался обслуживанием abordажных ботов, тяжелого вооружения и индивидуального снаряжения бойцов.

– Значит, с оружием хорошо знаком, – удовлетворенно хмыкнул безопасник.

– Так точно. А когда контракт заключил, попал в штурмовой отряд, на место командира отделения техподдержки. Тут уже пришлось непосредственно в боевых операциях участвовать, корабли и базы штурмовать. Один раз в переделку угодили, на пиратской базе в системе Росс-128. Есть там планетка, Угрюмая называется. При высадке накосячили, наврались на сопротивление. Челнок с командиром отряда ракетой разнесли, а взводных в самом начале штурма выбили. Пришлось принять командование. После той заварухи предложили вакантное место командира взвода. Я отказываться не стал. Общая тактическая подготовка была, еще коллеги поднатаскали, в общем, прижился на новой должности. А потом курс переподготовки прошел, подтянулся до необходимого уровня.

– Занятно. – Безопасник кивнул и что-то пролистал на мониторе. – Вот тут написано, что вы дважды проходили курсы повышения квалификации. Можно подробнее?

– Конечно. Через год после назначения отправили меня на стажировку в систему Барнарда, в Центр подготовки десантных войск.

– На Соллерсе? – оторвался подполковник от монитора.

– Так точно. Там крупная база. Прошел курс полевой и общефизической подготовки офицера Десанта. Полгода на шарике парился – стрельбы, марш-броски, высадки-захваты и прочее в том же духе. У нас во Флоте специфика немного другая, но знания и навыки лишними не стали.

– А вторые курсы?

– Это в прошлом году, на Болле, система Росс-614. Тоже шесть месяцев, подготовительный офицерский курс корпуса Егерей. У нас всякие эксцессы случаются, и на планетах в автономных условиях, бывает, действуем. Так что пришлось озаботиться овладением навыками выживания в дикой природе, – улыбнулся я.

Да уж, бывает... Свежи еще воспоминания. Но это совсем другая история, может, и расскажу когда-нибудь.

– Любопытно... – выдал новое слово безопасник. – И как же вас командование за последние три года дважды на такие длительные сроки из действующей части отпускало?

– Понимаете, товарищ подполковник, у нас работа достаточно специфическая. Патрульный дивизион действует в основном против пиратов. Поэтому офицер штурмового отряда,

а тем более командир, должен обладать навыками ведения боевых действий как в условиях космических кораблей, так и в условиях наземных баз. Профессиональным военным это все преподается в академии, а у меня базовое образование гражданское техническое. Пришлось наверстывать. А так как в академию я уже ни по возрасту, ни по званию, ни по должности не прохожу, выход один – стажировки в профильных спецзаведениях, которые офицеры проходят. Поэтому мой уровень подготовки в смежных дисциплинах значительно выше, чем у среднестатистического офицера Морской пехоты.

– То есть можно сказать, что вы достаточно универсальный специалист, – заключил безопасник. – А увлекаетесь вы чем, помимо основного рода деятельности?

– Хобби?.. – Я на секунду задумался. – Вообще в жизни своей я занимался много чем, но страсти всего две – боевые искусства и история техники, особенно военной.

– Разрешите полюбопытствовать? – По лицу подполковника невозможно было понять, всерьез он интересуется или так, разговор поддержать.

– Ну, боевыми искусствами я с детства увлекаюсь, посмотрелся старинных азиатских фильмов. Занимался всем понемногу, от бокса до самбо, в соревнованиях участвовал. А в университете серьезно занялся ушу винчун. Да и сейчас помимо обязательных армейских комплексов практикую помаленьку.

– Холодным оружием владеете?

– Ножевой бой в рамках армейской программы. Немного занимался шестом и ножами-бабочками, но чисто любительски, серьезной подготовки не имею.

– А второе хобби? – напомнил безопасник.

– История военной техники? Тоже практически со школьной скамьи увлекся, отец заразил. Он у меня кандидат исторических наук, директор Самарского филиала Оружейной палаты. Занимался изысканиями в области старинного вооружения. Книг по тематике дома полно, вот я и втянулся.

– Что ж, не смею больше задерживать. – Подполковник встал и протянул руку для пожатия. – Было весьма приятно побеседовать.

– Мне тоже, товарищ подполковник...

Все это я вспомнил, застыв по стойке «смирно» и пожирая глазами проходящего к президиуму Калинина. Занятно, как он выражается. Ну что ж, будем посмотреть, чем вторая наша встреча закончится. Прибывшие заняли места за командирским столом, причем лейтенант-безопасник тут же озаботился установкой инфора.

– Здравствуйтесь, товарищи офицеры! – поприветствовал Борщевский присутствующих, то есть нас.

– Здражлатащплкник!!! – отозвались мы в пять луженых глоток.

– Вольно, садитесь! – Командир дивизиона дождался, когда прекратится шум в зале, и продолжил: – Товарищи офицеры! Не буду долго вас терзать неведением, сразу приступим к делу. Для начала познакомимся. Капитан-лейтенант Тарасов!

– Я!

– Командир штурмового отряда фрегата «Отважный», прошу любить и жаловать, – ухмыльнулся мой начальник. – Присаживайтесь, капитан. Капитан Гречко!

– Я! – поднялся сидевший ближе всех русоволосый крепыш.

Возрастом уже далеко за тридцать, роста чуть ниже среднего, широкоплечий. Стальной взгляд вкупе с тяжелой челюстью. Серьезный дядечка. Чувствовалась в нем стать опасного зверя вроде медведя.

– Третий полк Пятой гвардейской дивизии Десанта, командир роты разведки. Присаживайтесь. Старший лейтенант Матвеев!

– Я!

– Командир взвода артиллерийской разведки Второй отдельной самоходно-артиллерийской бригады, Пятая гвардейская дивизия.

Поднявшийся с кресла в дальнем углу брифинг-зала офицер был почти полной противоположностью капитана Гречко. Такой же невысокий, но сухой и жилистый, он скорее походил на подростка, чем на побитого жизнью мужика. Да и молод был – лет двадцать пять на вид, не больше. Если от капитана веяло некой кряжистостью и крестьянской основательностью, то Матвеев подвижен как ртуть и невероятно ловок, если судить по плавности и грации движений. Этаким дикий кот на охоте. Оно и понятно: артиллерийская разведка совсем не то, что разведка войсковая, – мотаться ребятам приходится столько и по таким местам, что поневоле высохнешь.

– Присаживайтесь, старший лейтенант. Лейтенант Котов!

– Я!

– Сотрудник спецподразделения «Вымпел» управления «Космос» СБФ.

Ага, коллега безопасников. Совсем молодой парнишка со средней во всех отношениях внешностью: средний рост, среднее телосложение, незапоминающееся лицо ярко выраженного славянского типа, русоволосый... Полевой агент. Их еще рейнджерами называют. Специально подготовлен для длительных автономных действий в условиях населенных планет. Несмотря на возраст, тот еще волкодав.

– Присаживайтесь. И наконец, мичман Алексеев.

– Я! – поднялся со своего места полноватый мужик в форме флотского техника.

– Техническая служба Флота, специалист по коммуникационным системам и системам навигации среднетоннажных кораблей. Присаживайтесь.

Мичман Алексеев заметно из нашей компании выбивался. Уже немолодой, чуть за пятьдесят, он олицетворял собой образ флотского или армейского старшины – основательный, неторопливый. При этом чувствовалось, что опыта ему не занимать, и если потребуется – всех нас, салабонов, на место поставит. Колоритный дядечка.

– Я, как вам всем известно, капитан первого ранга Борщевский. – Мой начальник обвел взглядом присутствующих, словно хотел убедиться, что до них дошел смысл сказанного. – Командир второго патрульного дивизиона Флота-2 и по совместительству комендант базы «Северная», где мы все в данный момент находимся. Я буду курировать операцию под кодовым названием «Сафари» со стороны Вооруженных сил Федерации. Со стороны Службы безопасности Федерации курирует операцию подполковник Калинин.

Безопасник привстал и согласно кивнул.

– Он подробнее расскажет о предстоящей операции. Прошу, товарищ подполковник. – Борщевский оставил трибуну и уселся на свое место за командирским столом.

Калинин прокашлялся и приступил к инструктажу:

– Товарищи офицеры, начну с небольшого экскурса в историю. Как вы знаете, космическая эра человечества началась в XXII веке с освоения Солнечной системы. Для этой цели использовались корабли на фотонной тяге, оснащенные термоядерными реакторами. Скорость перемещения в пространстве оставляла желать лучшего, однако они позволяли в достаточно короткие сроки достигнуть внутренних планет. В начале XXIII века случилась очередная научно-техническая революция – люди открыли гиперпространство, позволившее достигнуть ближайших звезд. Навигация в гиперпространстве, согласно неким физическим ограничениям, может осуществляться на скоростях, не превышающих десятикратной скорости света. При этом гипердвигатели современных кораблей могут обеспечить скорость в тридцать, сорок, а новейшие экспериментальные модели и в пятьдесят раз больше скорости света. Поэтому освоение Пространства шло довольно низкими темпами. Несмотря на это, к середине века было обследовано и частично освоено около тридцати звездных систем в радиусе двадцати световых лет от Солнца. Примерно тогда же был открыт принцип гиперпрыжка, дальность

которого теоретически не ограничена. Однако тут тоже имелась сложность – для совершения гиперпрыжка необходимо знать координаты точки выхода, заданные с определенной точностью. Все было бы достаточно просто, представляй собой галактика неподвижный конгломерат. Однако все объекты Вселенной непрерывно движутся. В связи с этим для вычисления координат любой планетной системы с достаточной точностью банально не хватало существующих на сегодняшний день вычислительных мощностей. Прыжок же без известных координат точки выхода превращался в лотерею. Выход нашелся почти сразу – необходимо использовать маяки. Тогда прыжок становился очень эффективным и надежным средством преодоления пространства. Единственная трудность – доставить маяк в нужную точку. С уже освоенными системами проблем не возникло, однако дальнейшая экспансия была затруднена. Но наши предки были рискованными людьми и не побоялись отправить несколько новых кораблей в неизвестность. Они несли маяки, которые были установлены в каждой посещенной планетной системе.

Когда исследователи вернулись в метрополию, выяснилось, что такой метод весьма нерационален, потому что даже при прыжке на дальность до двадцати – тридцати световых лет погрешность выхода превышала пятнадцать процентов, что приводило к необходимости следующего прыжка или длительного перехода на гипердвигателях. От дальнейших экспериментов было решено отказаться. Однако силы и средства оказались потрачены не зря – первый из исследовательских кораблей, «Гелион», вышел из пробного прыжка слишком далеко от ближайшей планетной системы, поэтому вынужден был добираться до нее в гиперпространстве. При этом кто-то из команды активировал радар, который осуществлял наводку на маяки, и был случайно обнаружен чужой сигнал. Крейсер совершил гиперпрыжок и попал в систему Каледо – форпост цивилизации Тау. Таурийцы попытались атаковать «Гелион», так как он не ответил на запрос «свой-чужой», но быстро разобрались, что перед ними совершенно неизвестный им тип корабля. Любопытство победило. Состоялся обмен сообщениями со всеми вытекающими. Эта встреча вошла в историю двух цивилизаций под названием «Первый контакт». Таурийцы к тому времени уже довольно давно поддерживали связь с цивилизацией Л'Хеу. Соответственно, представители человечества тоже вступили с ней в контакт. Был заключен союз, известный ныне как Триумвират. Как вы знаете, территории человечества, таурийцев и цивилизации Л'Хеу отделены друг от друга значительными расстояниями – порядка двухсот световых лет – и образуют равносторонний треугольник в пространстве. Связь между ними, в том числе торговая, возможна только посредством гиперпрыжков по маякам. Триумвират подразумевал размещение на территориях держав специальных маяков, передающих кодированный сигнал, поэтому воспользоваться ими могли только суда союзников. Трем гуманоидным цивилизациям оказалось нечего делить, и союз процветал к обоюдному удовольствию.

Подполковник слегка перевел дух и продолжил:

– Порядка десяти – пятнадцати тысяч лет назад в нашем секторе галактики существовала могущественная цивилизация, о которой в настоящее время почти ничего не известно. Эта цивилизация в современной исторической науке фигурирует под названием «Первые». Первые примерно тогда с неизвестной целью переселили значительную человеческую популяцию с Земли на планету Легория. Она входит в семью одноименной системы, удаленной от Солнца на семьдесят три световых года. Перемещение целого народа получило отражение в мифе об Атлантиде. Все это время легорийская цивилизация шла по технологическому пути развития. К восьмидесятым годам XXIII века Федерация освоила сферу пространства радиусом около тридцати пяти световых лет. Легорийцы к тому времени заняли примерно такую же территорию. Первый контакт двух ветвей человечества произошел в секторе пространства, сейчас известном как Фронтир. На протяжении почти десяти лет контакты были мирными. Выяснилось, что загадочные Первые поставили над легорийцами социологический эксперимент, направив их общественное развитие по пути идеализации сообщества. За тысячи лет легорийцы развили общество, устроенное по принципу термитника или муравейника – лич-

ность не значит ничего, значение имеет только социум в целом и отдельные особи-мыслители. Что-то подобное было и на Земле, в виде коммунистического учения, однако данный строй у нас оказался нежизнеспособным. Легорийцы же были подвергнуты Первыми неким изменениям, которые в конечном итоге привели к возникновению на планете коллективного разума.

Каждый отдельный индивидуум вне общества осознавал себя личностью, наделенной определенной самостоятельностью. Но чем больше легорийцев собиралось вместе, тем сильнее становился коллективный разум и тем в меньшей степени самостоятельным каждый отдельный индивидуум. Коллективный разум позволил легорийцам решать труднейшие задачи даже до появления сложной вычислительной техники. Однако эта особенность данной цивилизации проложила глубочайшую пропасть между двумя ветвями человечества. Внешне почти неотличимые, ментально мы были абсолютно враждебны друг другу. Как и следовало ожидать, со временем всякие контакты между легорийцами и Федерацией были прекращены. Казалось, нам нечего делить. Мы абсолютно разные. Но легорийцы придерживались другого мнения. Исподволь, не торопясь, они готовили вторжение, тайно доставив в миры Фронтيرا маяки. В 2407 году они осуществили массированное нападение на системы Федерации. Преимущество первого удара осталось за легорийцами. Разгорелась война, длившаяся до 2413 года. Последствия этого конфликта мы можем наблюдать и сегодня. За годы противостояния было потрачено столько ресурсов, что пришлось отказаться от так называемых Внешних миров – систем, лежащих на расстоянии более двадцати световых лет от Солнца. Миры Фронтيرا стали ареной многочисленных кровопролитных битв и в результате длительной позиционной войны были потеряны. Связи с дальними системами Фронтيرا нет уже более ста лет. Известно лишь, что все они были атакованы в первый год конфликта, еще до того, как легорийцы потеряли темп, увязнув в нашей обороне. Мы не знаем, что стало с населением этих миров после окончания боевых действий. Однако не только мы понесли столь существенные потери. По донесениям разведки, в военный период легорийские миры после крупной наступательной операции объединенных флотов Триумvirата пострадали не меньше. Воцарилось хрупкое равновесие. Сколько еще времени оно будет сохраняться – не известно.

Калинин прервался на минуту, чтобы смягчить горло глотком воды, и я поспешил воспользоваться паузой:

– Товарищ подполковник! Разрешите вопрос?

– Не спешите, капитан Тарасов, – отмахнулся безопасник. – Я примерно представляю ваш вопрос: при чем тут вы? Потерпите, это была предыстория. А история, интересующая нас, заключается в следующем. В самом начале конфликта у Федерации появилась технология, позволявшая совершать гиперпрыжки без маяка, с отклонением от точки назначения не более трех – пяти процентов. Согласитесь, увеличение точности прыжка в три – пять раз это весьма существенный бонус. Были построены два экспериментальных корабля. Они направились в систему Ахерон, которая должна была стать отправной точкой для испытательного прыжка. Однако в это же время система подверглась нападению легорийцев. Вся инфраструктура системы, в том числе и гиперпространственные маяки, была уничтожена. Связь с колонией прервалась. Корабли затерялись. До сих пор неизвестно, уничтожены они или нет. Сами представляете, какой ценностью является эта технология как для нас, так и для вероятного противника. Не так давно нам в руки попала ключ-карта к сети мгновенного внутрисистемного масс-транспорта, а попросту телепорта, военной базы Ахерона. Наши специалисты попытались активировать транспортную ветку извне, и им это удалось. Мы можем открыть четыре станции в системе Ахерона. Ваша задача – проникнуть на базу и провести разведку.

– А почему бы не направить туда разведывательный корабль? – полюбопытствовал Матвеев.

– Даже если отправить корабль отсюда, преддверия Фронтيرا, ему понадобится преодолеть более пятнадцати световых лет. Это полтора года, – терпеливо пояснил Калинин. –

Идти придется через область гиперпространства, напшигованную всяческими сюрпризами типа гипермин. Опять же доподлинно неизвестно, что происходит в системе. Риск слишком велик, даже если не считать потерю времени.

– Единственный реальный вариант, – вступил в беседу Борщевский, – это гиперпрыжок. Для него нужен маяк. Здесь мы опять упираемся в тупик. Система Ахерон слишком удалена от обжитой территории. И ладно бы это было обычное пространство. Но это сплошное поле боя. От обеих воюющих сторон осталось огромное количество смертоносных сюрпризов, как в гиперпространстве, так и в обычном космосе. Мы даже в близлежащие системы типа эпсилон Индейца не суемся, настолько там все захламлено. Плюс гравиямы. Искусственного, что характерно, происхождения.

Капитан первого ранга сморщился, как от зубной боли. Искусственные гравитационные аномалии стали результатом бездумного использования обеими сторонами гравииоружия – жутких установок, разрывавших и перемешивавших гравитационные силы. Такая аномалия для кораблей страшнее черной дыры, потому как расположение черных дыр хорошо известно, а сколько аномалий и где они – не ведал никто. Плюс сверхмассивная звезда начинала притягивать корабль на достаточно большом расстоянии, поэтому было время среагировать. Аномалия же отличалась наличием огромного количества разнонаправленных гравитационных векторов, в итоге любой попавший в зону ее действия объект просто разрывало в клочья. Наш дивизион познакомился с аномалией как раз в системе эпсилон Индейца – в нее влетел малый разведывательный крейсер. Экипаж не успел среагировать. Нынешнее поколение кораблей внутрисистемную навигацию могло совершать на диких скоростях – до одной десятой световой, – поэтому пилот только испуганно вскрикнул, а потом треск помех в передатчике – и все... Даже обломков крейсера не нашли – они затерялись в океане других таких же, оставшихся с войны.

– Корабль на Ахерон можно послать, – вновь вступил в разговор Калинин. – Специальный разведывательный рейдер, на котором установлен детектор гравитационных возмущений. Но идти он будет не полтора года, а все пять – с учетом маневрирования в опасной зоне. А сейчас у нас есть шанс проникнуть в систему очень быстро. Да, не спорю – с огромными затратами энергии. Внутрисистемный телепорт не предназначен для переброски объектов на расстояния в десятки световых лет. Но командование готово пойти на такие жертвы. Энергию можно восполнить. Потерю еще нескольких лет на ожидание результата – нет.

– Поймите, товарищи офицеры! – с жаром продолжил подполковник. – Впервые за сто с лишним лет появилась возможность узнать, что творится в системах Фронтiera. Федерация оправилась от войны, появились ресурсы, которые можно использовать для восстановления потерянного. И мы просто обязаны воспользоваться представившимся шансом. Ахерон, помимо того что является планетой земного типа с почти идеальными для людей условиями, еще и форпост человечества. И этот факт будет иметь решающее значение уже в ближайшие десятилетия. Ведь если от войны оправились мы, то, вполне вероятно, то же самое произошло с легорийцами. Вам напомнить, кто был инициатором конфликта? А если еще и обнаружить экспериментальные корабли удастся? Или хотя бы какие-то о них сведения? Вы представляете перспективы?

– В общем, разведка в системе – вопрос решенный! – прервал полемику Борщевский. – Осталось уточнить некоторые детали. Техническая служба будет готова осуществить переброску через двое суток. Сейчас идет процесс накопления энергии. Необходимо будет осуществить одновременный переброс по четырем векторам. Прошу вас, товарищ подполковник.

Лейтенант-безопасник перестал возиться с информом и вывел на обзорный экран схему планетной системы.

– Система звезды Риггос-2, больше известная как Ахерон – по названию третьей планеты, – вновь поднялся со своего места Калинин. – Звезда того же класса, что и Солнце. Излучение для людей не опасно. В систему входят пять планет. Первая от звезды – Муспелльгейм,

она абсолютно не пригодна для жизни. Никаких искусственных объектов на ней не располагалось.

На экране вырос буро-коричневый шар планеты, но сразу же уступил место изображению сферы побольше, светло-коричневой, с бурыми поперечными полосами.

– Вторая планета системы – Вальхалла. Несмотря на название, раем не является ни разу, – хмыкнул подполковник. – Ей бы скорее подошло название Хельхейм, но первооткрывателям виднее, может, у них чувство юмора такое извращенное было. Климат чуть мягче, чем на Венере, однако не настолько, чтобы активно ее осваивать. Имелось несколько военных и научных объектов.

Третья планета системы – Ахерон. Полный двойник Земли, только спутников два – Локи и Тор. Оба примерно вдвое меньше Луны. – Подполковник кивнул помощнику, и тот вывел на экран изображение голубого шара, действительно весьма напоминавшего Землю. – До войны планета была довольно густо заселена. Численность гражданского населения превышала триста миллионов человек. В основном были освоены два материка из четырех – в Северном полушарии Нордланд и в Южном полушарии Ютланд. Как видите, первопоселенцы недолго думали, когда давали им названия. Оба этих материка лежат в зоне умеренного климата, потому и осваивались в первую очередь. Они расположены в Западном полушарии. В Восточном полушарии имеются еще два материка, вытянутые с севера на юг, – Зюйд-1 и Зюйд-2. Очертаниями весьма напоминают земные Южную и Северную Америки. Климат не столь ровный, поэтому населенность незначительная – около пяти миллионов человек. Кстати, в некоторых доступных нам источниках упоминалось наличие на планете аборигенов гуманоидного типа, но никаких точных сведений на этот счет не сохранилось. На планете располагалось большое количество военных, научных и промышленных объектов. В довоенное время Ахерон был одним из крупнейших испытательных полигонов Федерации.

Шар планеты на экране уплыл вглубь, вокруг него образовались три концентрические окружности разных цветов.

– Непосредственно Ахерон был окружен тремя поясами оборонительных сооружений, – продолжил лекцию Калинин. – Первая сфера обороны представляла собой равномерно распределенные вокруг планеты автоматические орбитальные оружейные и ракетные платформы. Вторая сфера обороны включала орбитальные крепости, одновременно являвшиеся базами истребителей и перехватчиков, а также оружейные платформы. Здесь же на высоких орбитах располагались верфи. Третья сфера обороны обеспечивалась истребителями планетарного базирования, крупнокалиберными батареями и ракетными шахтами, размещенными на поверхности планеты.

Такой же серьезной обороной обладала четвертая планета системы – Мьёллнир. – Подполковник указал на каменистый шар, выросший на дисплее. – Аналог Марса в Солнечной системе. На нем располагалось значительное количество исследовательских и военных объектов, а также самые крупные в системе верфи. Пятая планета – Нифльхейм – газовый гигант на задворках Системы.

На экране возникла обросшая бахромой атмосферных вихрей сфера, обрамленная кольцами и целым ожерельем естественных спутников.

– На нескольких лунах располагались передовые форты и станции дальнего обнаружения. Здесь же велась добыча водорода. Между Мьёллниром и Нифльхеймом раскинулись два астероидных пояса, там добывали полезные ископаемые. Периферию Системы прикрывали два пояса минных полей. На момент нападения легорийцев здесь базировался Пятый флот в составе семи линейных кораблей, тридцати двух фрегатов огневой поддержки и пятидесяти одного крейсера. Плюс корабли обеспечения. Плюс два авианосца. Планетарные силы насчитывали две дивизии десанта на Ахероне, полк Морской пехоты на Мьёллнире, пять артдивизионов наземного базирования на Ахероне, три на Мьёллнире. Также на этих двух планетах

были расквартированы два ракетных полка. Плюс силы планетарной обороны – экипажи орбитальных крепостей и истребительных подразделений. Всего в Системе присутствовало около двухсот тысяч человек личного состава Десанта и Флота, и силы самообороны, в случае необходимости способные поставить под ружье около миллиона бойцов из числа колонистов.

Начало войны характеризовалось молниеносными операциями, проведенными силами космических флотов, – продолжил подполковник после краткой паузы. – Ахерон оказался на самом острие удара и был потерян буквально на пятые сутки конфликта. По докладам вырвавшихся из Системы кораблей известно, что Пятый флот оказал отчаянное сопротивление и нанес противнику значительные потери. Однако численный перевес был на стороне легорийцев. Судя по всему, они разгромили все сколько-нибудь крупные военные объекты в пространстве и на планетах, высадили десант на Ахерон и Мьёллнир и направились дальше, в глубь территории Федерации. Здесь их силы увязли в затяжных боях, шедших с переменным успехом. Некоторые данные позволяют предположить, что в систему Риггос-2 легорийцы больше не вернулись. Самые крупные сражения войны развернулись сначала в глубине территории Федерации, потом перекинулись на системы легорийцев, а под конец конфликта противостояние вообще скатилось во всеобщий хаос, и лишь поддержка партнеров по Триумvirату позволила Федерации записать победу на свой счет. Близлежащие системы Фронтира превратились в пустыню, так как именно в них легорийцы тайно доставили маяки и туда же потом совершали прыжки корабли Флота. Пример – система эпсилон Индейца, лежащая в зоне ответственности вашего дивизиона.

В этот период было впервые использовано гравитационное оружие. В самом начале войны наше командование применило тактику противника – из Внешних миров Фронтира были отправлены на территорию легорийцев корабли с маяками. К 2413 году они достигли внутренних миров врага. В этом же году был совершен массированный удар силами объединенных флотов Триумvirата по этим системам. В других сражениях союзники не участвовали – они посчитали, что земляне способны довести дело до логического конца без дальнейшей помощи. Финальное сражение войны оказалось воистину жестоким – исчерпали ресурсы обе цивилизации, и конфликт затих сам собой. Воцарился паритет сил, сохраняющийся до настоящего времени. В результате Внешние миры Фронтира попали в полосу отчуждения, отделенную как от Федерации, так и от легорийцев обширными поясами мертвых систем и пространством, засоренным минными полями и гравитационными аномалиями. Поэтому есть надежда, что какая-то часть населения Ахерона выжила, сохранив остатки инфраструктуры.

Что касается предстоящей операции. – Подполковник Калинин кивнул коллеге-лейтенанту, и тот вывел на экран схему всей звездной системы. – В Системе сохранилось как минимум четыре действующих телепорта. Возможно, больше, но обнаружить их не удалось. Однако наличие рабочих станций говорит о том, что частично сохранились как минимум четыре военных объекта, и мы можем этим воспользоваться. Три действующих телепорта расположены на Ахероне. Два из них на Нордланде.

Лейтенант увеличил изображение планеты, затем масштабированием вывел на экран спутниковую фотографию какого-то города.

– Город Чесма. В пригороде размещалась станция мониторинга пространства и наземная батарея. Скорее всего, телепорт располагается на территории военной части. Сюда отправится капитан Гречко.

Лейтенант прокрутил карту, переместившись на другой край материка.

– База истребительного полка. Телепорт находится на территории диспетчерского пункта. Ближайший к базе город Чернореченск в трехстах километрах севернее. Между базой и городом располагался испытательный полигон Десанта. Сюда отправится капитан-лейтенант Тарасов.

Далее изображение переместилось на материк в Южном полушарии.

– Ютланд, город Калвертон, – прокомментировал Калинин. – Телепорт также на территории артиллерийской части. Сюда отправляется старший лейтенант Матвеев. И наконец, четвертая точка выхода – Мьёллнир, главная верфь. – Подполковник ткнул пальцем в экран, украшенный изображением суровой безжизненной планеты. – Здесь население с вероятностью девяносто девять процентов не сохранилось. Сюда отправляются лейтенант Котов и мичман Алексеев. У них будет свое задание, связанное с исследованием Системы в целом.

В заключение хочу сказать следующее. – Подполковник обвел взглядом присутствующих и задумался на миг. – Трое из вас были выбраны с учетом универсальной подготовки, как военной, так и технической. Вам придется действовать автономно в условиях планеты с предположительно дружественным населением, как долго – неизвестно. У вас будет возможность поддерживать связь друг с другом и с группой на Мьёллнире. Однако рассчитывать следует только на себя. Командование надеется на вас. Дальнейший инструктаж будет проведен индивидуально непосредственно перед переброской. Сегодня остаток дня – отдых, завтра подготовка снаряжения. Отправка через двое суток. Все свободны.

Сытно отобедав в штабной столовой, я прошел в жилой кубрик и устроился на кровати. Сегодня можно нарушить режим дня, вон какое высокое начальство разрешило. А потому я, не мудрствуя лукаво, решил отоспаться.

Как ни странно, сон не шел. В голове роились мысли... Да знаю я, что офицер-абордажник и мысли – две вещи несовместные. Избитая шутка, давно уже не смешно. Мысли именно роились – по-другому не скажешь. Беседа с командованием наводила на размышления.

Например, почему на Мьёллнир отправляются два человека – техник со специфической профессией и безопасник? Что они собираются там искать? Что-то, с чем может справиться специалист по навигационным системам? А безопасник в нагрузку и обеспечения секретности для? Получается, их миссия самая важная? А что такого особенного в телепорте на территории Ютланда? Почему туда направляют разведчика-артиллериста, который способен неделями шататься по самым глухим местам? Любому рейнджеру фору по части марш-бросков даст. Что-то тут нечисто. Скорее всего, командованию известно больше, чем довели до нас. Хотя чего это я возмущаюсь, когда было иначе? Не припомню такого. Исполнителей как всегда информируют по принципу достаточности: меньше знаешь – целее шей. А то, что от недостатка информации в поле может серьезно пострадать задница одного исполнителя, командование как всегда не е... беспокоит.

Или вот дела давно минувших дней. Из школьного курса истории любому гражданину Федерации известно, что легорийцы начали войну. Однако ни в одном из серьезных трудов – а прочитал я их, видит бог, немало, спасибо отцу – не сказано о причинах конфликта. Такое впечатление, что никто из ученых их просто не знает. Хотя в основе любого военного противостояния должно лежать пересечение чьих-то интересов... Сам собой возникает вопрос: а был ли мальчик? Судя по результатам, был, но вот найти бы его. Возможно, в будущем удастся избежать повторения подобной бойни. По ходу конфликта стало ясно, что легорийцы готовились к вторжению едва ли не с первого контакта. Почему? Или они предвидели будущее, или по каким-то еще причинам. В общем, тайна сия великая есть.

Даже если абстрагироваться от первопричины, возникает второй вопрос: чего они достигли? Заперли нас в сфере радиусом двадцать световых лет? Затормозили технический прогресс? Породили демографический кризис? Так ведь и с ними случилось то же самое. Воспользоваться оставленным человечеством Земли территориями они не сумели. Патовая ситуация.

Уже более ста лет нет связи с системами Фронтيرا. Что стало с их населением – неизвестно. К концу войны ресурсы Федерации настолько оскудели, что не осталось возможности обеспечивать развитие Внешних миров. Парламент принял решение эвакуировать людей во

Внутренние системы – благо места хватало. Вне Фронтира тогда существовало семь довольно развитых колоний, которым нападение легорийцев не грозило, однако располагались они достаточно далеко от метрополии. Планировалось вывезти народ и промышленные мощности, которые могли бы стать значительным вкладом в восстановление подорванной войной экономики. Однако поселенцы вовсе не стремились покинуть насиженные места. Когда из Внешних миров ушли регулярные войска, власть там захватили промышленные олигархи. Им показалось, что синица в руках в виде власти над колонией куда лучше, чем журавль в небе – сомнительное удовольствие от игр на политической арене Федерации. Население, что характерно, их поддержало.

Внешние миры оказались предоставлены сами себе. Правительство каждой колонии думало лишь о собственной выгоде, в результате возникло семь замкнутых систем, варившихся, фигурально выражаясь, в собственном соку. Закономерный итог – локальные войны, в которых выжили самые сильные, жестокие и наглые. Они навели порядок на центральных планетах, частично восстановили экономику, начали понемногу торговать между собой, наладили кое-какие контакты с Федерацией. Вроде все утряслось.

Но были другие – чуть менее жестокие, но не менее наглые, выжившие в мясорубке. Их оттеснили на периферийные планеты, в большинстве своем безжизненные. Нет сельского хозяйства. Война – синоним разрухи, а когда разрушена промышленность, что остается делать? Правильно, идти на большую дорогу. Семь пиратских кланов стали головной болью не только Внешних миров, но и Приграничья. Хо́да им не было только во Внутренние системы, где были сконцентрированы основные силы метрополии.

Особенности навигации в глубоком космосе при переходе из одной системы в другую как минимум дважды ставили корабль в уязвимое положение. Уйти в гиперпрыжок в зоне действия гравитационных сил звезды с ее планетарной семьей не представлялось возможным – мощности реактора не хватало. Сначала необходимо добраться до точки перехода либо на эволюционных внутрисистемных двигателях, либо на маршевых в гиперпространстве. Причем что в плоскости эклиптики, что под углом к ней – без разницы. В эклиптике даже энергетически выгоднее – векторы воздействия звезды и планет лежат в одной плоскости, поэтому тягу сфокусировать легче.

Второй способ был возможен не только в теории, но на практике возникали значительные трудности – нырок в гипер сопровождался искажением пространства, что было чревато повреждением весьма развитой в человеческих мирах космической инфраструктуры, да и наличие в непосредственной близости массивных тел превращало навигацию в гиперпространстве в лотерею. Потому и вынуждены были корабли выходить за пределы Системы на относительно небольших скоростях. Тут-то их и поджидали пираты.

Второй удобный для нападения момент – выход корабля из гиперпрыжка. Само собой, хоть и наводился корабль на маяк в Системе, вываливался он в обычное пространство на значительном удалении от внешних планет. До пункта назначения шел на эволюционниках и в этот период представлял собой весьма заманчивую цель, чем пираты беззастенчиво пользовались.

В начале Изоляции, как стали называть послевоенный период обитатели Внешних миров, пираты предпочитали атаковать корабли на подступах к собственным системам. Правительства отделившихся планет не справлялись с напастью, так что вконец отчаявшиеся перевозчики и торговцы на свой страх и риск образовали конвойные войска, которые и прижали наглецов к ногтю.

Тогда пираты обратили внимание на Приграничье – окраинные системы Федерации. Из них в основном и пролегали торговые пути во Внешние миры. В качестве ответной меры Федерация создала Патруль – восемь флотов, каждый из которых отвечал за неприкосновенность своей части границы. Я, стало быть, служил на корабле, входившем в состав Флота-2.

Сферу нашей ответственности составляла половина Фронтيرا. Оставшуюся часть контролировал Флот-3. Кораблей и личного состава в Патруле было более чем достаточно, однако возникла другая проблема – колоссальные расстояния между системами Приграничья. Чтобы обойти контрольную зону, обычному патрульному фрегату требовалось порядка шести – восьми месяцев движения в гиперпространстве. А оттуда много не навоеешь.

Решение нашлось быстро – система маяков-ретрансляторов позволила боевым кораблям прибывать в зону ответственности посредством гиперпрыжков и уже на месте вести патрулирование, двигаясь либо в гипере, либо на эволюционниках. Раскинувшуюся в Приграничье паутину назвали Сетью. Со временем она охватила всю территорию Федерации. На сегодняшний день в ее состав входило около ста тысяч маяков, являвшихся одновременно автоматическими станциями слежения и ретрансляторами сигналов связи. Эта инфраструктура создавалась почти двадцать лет и легла в основу информационной сети Федерации. В далеком XXI веке на Земле существовали системы навигации, использовавшие принцип позиционирования по трем и более спутникам, находящимся в зоне доступа. Сеть по такому же принципу позволяла определять координаты корабля с точностью, достаточной для совершения гиперпрыжка на сверхмалые расстояния. В результате патрульный фрегат мог появиться в нужной точке пространства буквально в течение двадцати – тридцати минут и перехватить корсаров на месте преступления. Вскоре после ее завершения строительства Сети пиратов удалось на какое-то время утихомирить, однако после недолгого затишья нашлось немало безбашенных психов, готовых рискнуть жизнью, но пощипать жирных торговцев-федералов. Львиная доля этих авантюристов выявлялась Сетью и становилась жертвами Патруля еще на подступах к трассам, но некоторым везло – они успевали взять на бордаж гражданский корабль и избежать возмездия. Смертельная игра, которую с переменным успехом вели обе стороны, продолжалась по сию пору.

На Фронтире проблема пиратов стояла не столь остро, но и сюда изредка забирались особо отчаянные флибустьеры – наличие Сети помогало преодолевать гигантские расстояния в самые короткие сроки не только Патрулю. Куда больше хлопот в нашем секторе доставляли черные археологи, подрабатывавшие еще и контрабандой.

Испокон веков рука об руку с человечеством шествовали две болезни – жадность и коррупция. Везде, где собиралось более трех человек, начиналась борьба за власть и кусок послаще. В наше просвещенное время власть опирается на два столпа – деньги и информацию. А информация, как правило, всегда является оборотной стороной чьей-то тайны. Тайны же притягательны, особенно когда за них хорошо платят. Есть тайны грязные, политические, сам факт обладания которыми подвергает человека смертельному риску. Есть тайны не менее грязные, но более приземленные – например, инопланетные технологии либо утерянные во время войны разработки. И если первым типом тайн интересуются в основном достойные люди – политики, то второго типа не чурается и всякое отребье – мечтающие о мировом господстве олигархи, пираты, планирующие разжиться чудо-оружием, и просто правители-диктаторы. Известный экономический закон гласит: спрос рождает предложение. Есть люди, готовые платить за тайны космоса. Как результат, появились люди, готовые этими тайнами торговать. Отчаянные парни, которые не боятся соваться в самые гибельные места, обшаривать мертвые системы, мародерничать на останках великих флотов прошлого и потрошить корабли-призраки в мешках гравитационных аномалий. Настоящие стервятники наших дней, чью деятельность приходилось пресекать нашему дивизиону.

Тут, конечно, есть нюансы. Юридически черные археологи, не в пример тем же пиратам, не объявлены вне закона, так что расстрелять такой корабль без предупреждения не получится, ибо чревато трибуналом. К тому же сами по себе раскопки не являются противоправным действием. В отличие от перевозки и продажи обнаруженных ценностей третьим лицам – для этих целей существует государственная Компания. Поэтому пренебрегшие услугами официальных

скупщиков кораблей-«археологи» полагается задерживать с использованием достаточно жестких методов. Арестованные экипажи отправляются во Внутренние системы и предаются суду. И если за ними не тянется шлейф криминала, то получают они год тюрьмы за вандализм, в особо тяжелых случаях до трех лет за мародерство, но чаще всего отделяются условными сроками или штрафами. На контрабанду федеральные судьи предпочитают закрывать глаза – нельзя же, в конце концов, пересаживать всех археологов по серьезным статьям. Люди из Компании неправильно поймут. После отбытия наказания копателям еще приходится выкупать корабли со штрафстоянки, что выливается в довольно приличную, но не критичную для большинства этой братии сумму. Оказавшись на свободе и выкупив корабль, черный археолог, как правило, возвращается к своему занятию. Среди экипажей Патруля одно время даже бытовала шутка про круговорот археологов на Фронтире – некоторые знаменитые личности типа Рика Стражински попадались неоднократно, часто одному и тому же экипажу. В результате флотские и археологи чуть ли не дружили командами. Мнится мне, что подобное положение дел немыслимо без весомой поддержки сверху. Да и пиратов наверняка подкармливает кто-то из политической верхушки, не может такой инструмент влияния без хозяина обойтись. Ладно, не о них сейчас речь.

Мысли вновь завертелись вокруг предстоящего задания. Интересно, почему цветущую планету земного типа называли Ахероном? С чем ассоциировалось у первооткрывателей это не самое веселое название? Обнаружили на шарике нечто ужасное? Вряд ли мне кто-то ответит, придется выяснять самому. Равно как и выживать в совершенно незнакомых условиях. Не готов я к подобному, все-таки я флотский офицер-силовик, а не ученый. И уж тем более не сорвиголова из корпуса Егерей. Утомленный абстрактными размышлениями, я незаметно для себя уснул.

*Система Вольф-1061, планета Бурная,
база космфлота «Северная»
22 февраля 2535 года*

Весь следующий день я провел в хлопотах. Пока передал дела в отряде заместителю, пока прибрал кубрик, разобрался с текучкой – подошел обед. А после обеда меня нашел давешний лейтенант-безопасник, напарник Калинина, и пригласил на склад подгонять снаряжение. В обиходе мы обычно использовали более емкое название данного заведения – каптерка.

Каптерка представляла собой внушительный ангар, разделенный внутренними перегородками на несколько отсеков-«лабазов». В одном хранилось тяжелое пехотное вооружение, в другом – броня и обмундирование, в третьем – средства связи и прочие электронные приблуды. Четвертый «лабаз» отводился под контейнеры с ручным оружием и боеприпасами, а пятый совмещал ремонтную мастерскую и «примерочную» – искомое помещение для подбора и подгонки снаряжения. На месте нас дожидались остальные бравые разведчики. Компанию им составлял пожилой старший прапорщик из наземного персонала базы. Прапорщик был местным владыкой всей лабаза, и именно у него нам предстояло получать снаряжение.

Местного завскладом я прекрасно знал – имел возможность познакомиться за несколько лет службы. Звали прапора Леонтий Палыч Скупой, и он полностью соответствовал своей «говорящей» фамилии.

– Здравия желаю, – вежливо поздоровался я с присутствующими.

Те отреагировали довольно вяло, только Палыч пожал руку как старому знакомому, но не преминул при этом заметить:

– Опять разорять пришел, ирод!

– Побойся Бога, Палыч, когда я тебя разорял? – ушел я в глухой отказ.

– Кхе-кхе... Товарищи офицеры, минутку внимания! – вклинился в разговор безопасник. – Я старший лейтенант Офиногенов, управление «Космос» СБФ. Отвечаю за техническую

сторону подготовки операции. Сейчас я познакомлю вас с некоторыми особенностями снаряжения, которое вам предстоит использовать при выполнении задачи. Прошу за мной.

Вслед за Офиногеновым мы прошли к закрытому стеллажу высотой в рост человека. Лейтенант провел электронным ключом по замку, и двери-жалюзи разъехались, явив нашим взорам ниши с бронекомбезами. На первый взгляд ничего особенного – стандартная защита класса А. Костюмов примелькавшегося темно-серого цвета в наличии оказалось ровно два, что наводило на размышления.

– Начнем со снаряжения лейтенанта Котова и мичмана Алексева, – объявил Офиногенов. – Как вы можете видеть, это скафандр класса А. Он позволяет носителю находиться в безвоздушном пространстве до пяти часов. Особенностью данной модели является увеличенный ресурс патронов-регенераторов, а также повышенная емкость энергоблоков, что в совокупности позволит действовать в условиях отсутствия атмосферы в течение десяти часов. Также в шлемы встроены передатчики, способные установить кодированную связь на расстояние до одной астрономической единицы. Скафандры оснащены экзоскелетом и легким антигравом. Задача группы известна: проникнуть через грузовой масс-терминал на территорию планетарной верфи Мьёллнра. Вместе с людьми будет отправлено спецоборудование, при помощи которого необходимо восстановить энергоснабжение и обеспечить герметичность одного из отсеков промышленного комплекса с последующим оборудованием временной базы. Терминал верфи высокой грузоподъемности, поэтому планируется переброска персонала и двух контейнеров с оборудованием одним рейсом. Более подробно задачи будут доведены непосредственно перед отправлением. Остальное оснащение и вооружение стандартное флотское, получите у прапорщика Скупого. Вопросы?

– Никак нет! – отчеканил лейтенант Котов, а мичман помотал головой.

– Вот и замечательно. Тогда можете приступить к подгонке снаряжения. А мы, товарищи офицеры, пойдем дальше.

Безопасник провел нас в противоположный конец «лабаза», в совсем небольшой закуток, отделенный от прочих помещений пластиковой перегородкой.

– Ваше снаряжение, товарищи офицеры. – Лейтенант жестом волшебника указал на длинный стол, заваленный разнообразным шмотьем. – Как видите, ничего особенного, стандартное десантное снаряжение. Тип камуфляжа соответствует местности, в которой предстоит действовать. По крайней мере, мы надеемся, что за сто лет на планете климатические пояса местами не поменялись. Особенности снаряжения заключаются в наличии в шлемах мощных передатчиков-декодеров, при помощи которых вы сможете связаться друг с другом, а также с группой на Мьёллнре. Коды доступа содержатся в баллистическом компьютере костюма. Кроме того, в него интегрирована навигационная система с картами всей планеты. Само собой, карты довоенные, современный Ахерон мог до неузнаваемости измениться. Плюс в забрало шлема встроена постоянно функционирующая микрокамера, записи сохраняются в специальном инфоблоке, вот он на поясе. Постарайтесь не потерять, все добытые вами сведения будут иметь очень большое значение. К сожалению, следить за происходящим в реальном времени мы не сможем, поэтому позаботьтесь о сохранности регистрирующего оборудования. Мы не можем предположить хотя бы приблизительно, сколько времени вам предстоит действовать автономно, поэтому придется взять с собой тройной запас энергоблоков. С оружием определяйтесь сами, исходя из личных предпочтений, – закончил лейтенант речь. – Если нет вопросов, можете приступить к подгонке снаряжения. Все недостающее получите у прапорщика Скупого. А мне бежать нужно, дела, знаете ли.

Мы все трое не сговариваясь подошли к столу со снаряжением. Перепутать комплекты было проблематично, благо размеры у всех значительно отличались, так что я, скинув повседневный комбинезон и ботинки, принялся облачаться в обновку. Камуфляжный костюм из усиленной металлокерамической ткани со встроенным экзоскелетом состоял из усеянных кар-

манами куртки на молнии под самое горло и штанов. Кстати, заметил, что у Десанта в полевой форме никогда не используются собственно комбинезоны, хотя ее и называют так. Причина проста – попробуйте походить в комбезе несколько дней кряду, да еще увешанные кучей снаряжения. Посмотрим, насколько удобно вам будет справлять естественные надобности. Костюм, как и любая полевая форма, был слегка мешковат, брюки с широкими штанинами, но при этом совершенно не стесняющие движений. В комплекте шли десантные ботинки с высоким берцем и самозатягивающимися застежками, изготовленные из какого-то неубиваемого синтетического материала, с металлизированными подошвами. В них можно в лужу из концентрированной серной кислоты залезть, и ничего им за это не будет. К тому же они являлись составной частью экзоскелета. При этом что костюм, что ботинки удивительно легкие. Под внешний усиленный камуфляж обычно надевалось специальное термобелье, утилизирующее пот и нейтрализующее запах. Еще одним несомненным плюсом являлась возможность регулировать теплообмен с окружающей средой, добиваясь комфортной температуры тела. Вещь просто незаменимая, особенно при длительных переходах либо марш-бросках.

Дополнялось снаряжение бравого десантника композитными наколенниками и налокотниками, которые интегрировались в экзоскелет костюма и играли в нем роль суставов. Плюс боевые перчатки, пояс с энергоблоками и медкомплексом, а также наплечники, которые в активированном состоянии вкупе со шнурами экзоусилителей, протянутыми вдоль тела, рук и ног, образовывали силовой каркас. Связующим звеном между усилителями в куртке и штанах являлся пояс. Управлялась эта конструкция баллистическим компьютером, встроенным в шлем.

Тело десантника обычно защищает легкий бронежилет, а глухой сферический шлем довершает композицию. Поверх бронежилета надевается модульная подвесная система, на которую навьючивается боекомплект. В шлем встроены воздушный фильтр и патроны-регенераторы, так что можно даже под водой просидеть какое-то время. Активированный боевой костюм полностью закрывает бойца, образуя герметичный кокон, и не оставляет ни одного кусочка незащищенной кожи. Плюс в активированном состоянии включается защитное силовое поле, генератор которого встроен в пояс. При наличии достаточного запаса энергии костюм в боевом режиме держит удары десятиграммовых автоматных пуль, разогнанных магнитными полями до бешеных скоростей в три-четыре тысячи метров в секунду, и при этом частично гасит кинетическую энергию удара, что дает подставившемуся под выстрел балбесу шанс выжить. Экзоскелет позволяет вдвое увеличить мышечное усилие бойца.

Облачившись в комплект, я полюбовался собственным отражением в зеркале. Зрелище оказалось забавным – не привык я себя ощущать этакой пятнистой гориллой, флотское снаряжение обычно однотонное темное. А тут даже шлем в зеленых пятнах, только забрало матово-черное, и берцы у ботинок камуфлированные.

– А чего это у шмоток цвет такой странный? – спросил я в пространство, на ответ в общем-то и не надеясь.

– Нормальный цвет, правильный, – подал голос капитан Гречко. – «Выцветшая флора» называется. Считай, на все случаи жизни подходит, особенно если местной растительности сверху навешать. И в городе не сильно в глаза бросается. Для нас лучше не придумаешь.

Ну да, тут он прав. В автономке с включенным «хамелеоном» не побегаешь, энергозапас ограничен. А основам маскировки я обучен, придумаю что-нибудь на месте.

С обмундированием все ясно – для полного счастья нужно получить у Скупого пару комплектов нижнего белья с носками, да на всякий пожарный полевую форму: вдруг придется отдыхать в приемлемых условиях, в деревне какой-нибудь, а там боевой костюм будет явно не к месту.

Осталось определиться с оружием и боекомплект. Для начала неплохо бы узнать, в какой местности предполагается действовать будущему посланцу Федерации на землях Норд-

ланда. Проблему решил элементарно – активировал боевой режим костюма и спроецировал на внутреннюю поверхность забрала трехмерную карту Базы-7, как, оказывается, официально назывался пункт моего назначения на планете Ахерон. Центральная часть материка, лесостепная зона – типичная картина русской средней полосы: довольно обширные ровные поля перемежались лиственными массивами, изредка попадались мелкие речушки, почти ручьи, и небольшие озера, обрамленные кольцом деревьев, поразительно похожих на ивы. Никогда не думал, что в баллистический компьютер боевого костюма можно запихнуть такой массив информации – в интерактивной карте имелись даже довоенные фотографии местности. Сама база располагалась на обширном поле, имела форму вытянутого с севера на юг прямоугольника километров десяти длиной и чуть более пяти шириной. С трех сторон взлетная полоса окружена заросшими лесом высотками, на которых наверняка в свое время располагались зенитные батареи. Лишь с юга имелся относительно удобный доступ на территорию по широкой асфальтированной дороге. Впрочем, с этой же стороны располагались гарнизонные корпуса с КПП и довольно солидные оборонительные сооружения. Трудно сказать, какая часть инфраструктуры сохранилась до наших дней, однако, судя по наличию функционирующего телепорта, как минимум один из ангаров-складов на северной стороне уцелел. Ладно, на месте видно будет.

Укрупнив масштаб и пробежав глазами по окрестностям, я выяснил, что похожая местность тянулась во всех направлениях километров на сто пятьдесят – двести, и лишь после полигона, официально именовавшегося, как это ни смешно, Полигон-1, переходила в дремучие лиственные леса, кое-где пересекавшиеся нитями дорог. Город Чернореченск со всех сторон окружен чуть ли не дикой пущей, которая уступала людскому напору лишь вблизи пригородов. Сто лет назад город имел население около двухсот тысяч человек, в нем располагалось несколько серьезных производств типа нефтеперерабатывающего завода и ремонтной базы истребительных сил планетарного базирования, а промзона занимала едва ли не половину городской территории. Хотя по тем временам городок не особенно крупный, да и военных объектов, кроме рембазы, в нем не было. Вряд ли он стоял на первых местах в списке по нанесению орбитальных ударов, а потому мог частично сохраниться. Деактивировав карту, я снял шлем и задумался. Местность не самая легкая, однако бывало и хуже. Стоит серьезно отнестись к подбору вооружения и дополнительной экипировки.

Начал со снаряжения. В качестве основного холодного оружия выбрал стандартное армейское мачете с сорокасантиметровым прямым клинком, предназначенное для прорубания проходов в джунглях. В полый трубку рукояти содержался любопытный набор мелочей, как то: зажигалка, моток лески, крючки, нитки, игла – в общем, стандартный комплект для выживания. Весьма полезная штука – шест вырубить, дрова опять же заготавливать удобно, да и как оружие ближнего боя не худший вариант. Ножны пустил вдоль левого бедра, закрепив на два ремня. Мачете расположил режущей кромкой по ходу движения, чтобы относительно удобно было доставать правой рукой. Примерился, пару раз выхватил и вернул на законное место – вроде терпимо, хотя и довольно медленно. Но это не принципиально – кусты и дрова от меня никуда не убегут, а в бою, буде возникнет такая надобность, я гораздо быстрее достану и использую по назначению штатный боевой нож «стерх» – обоюдоострый, с удобной обрезиненной рукояткой и темным покрытием клинка, чтоб не бликовал. Расположил я его на груди, прицепив ножны к соответствующим креплениям на «разгрузке», рукояткой вниз – предпочитаю нож в правой руке прямым хватом. Люблю тычковые удары на контратаках.

Теперь рюкзак. Стандартный десантный, повышенной емкости, со встроенным бурдюком для воды. В нем разместятся запасное белье, полевая форма, средства гигиены, сухой паек на пять дней, пищевые концентраты, а также дополнительный комплект унитаров в пачках. Слева сбоку прицепим малую саперную лопату – вещь во многих случаях просто незаменимую. Здесь же разместим смотанный в бухту двадцатиметровый тонкий трос. Компактный подъемник займет законное место в гнезде на поясе. В карман на левом бедре – комплект инстру-

ментов для ремонта снаряжения в полевых условиях. Сюда же ЗиП к наладоннику. Еще кое-какую мелочовку типа индивидуального перевязочного пакета, дезинфицирующих салфеток и таблеток на все случаи жизни рассуем по мелким карманам на рукавах и груди. В правый набедренный карман идеально вписался комп-наладонник – друг и товарищ, без которого я не мыслил жизни. Нужно будет вечером загнать в него всю имеющуюся информацию по Ахерону – чисто на всякий пожарный.

Взгромоздив рюкзак на спину, я подтянул лямки и нажал кнопку активации. Мой переносной склад за мгновение интегрировался в боевой костюм: крепления утонули с легким щелчком в защелках, а трубка от бурдюка проросла в горло комбеза, объединившись с его системой жизнеобеспечения. Теперь даже в полностью задраенном обмундировании я в любой момент мог глотнуть воды либо тоника на выбор, не отвлекаясь на дополнительные действия. Удобно. Попрыгал на месте, прислушиваясь. Вроде ничего не гремит, что не может не радовать, однако основная часть груза на меня еще не навьючена. Не снимая рюкзака, я прошествовал в секцию вооружения.

Здесь заправлял другой прапор – Серега Акимов, с которым я был на короткой ноге. Он меня уважал и выделял среди других офицеров за глубокое знание оружия, а также за умение в боевых условиях реанимировать самый безнадежный ствол. Впрочем, ничего удивительного в данной способности не было – технический вуз и два года службы главным оружейником штурмового отряда и не такому научат. К тому же я то и дело захаживал к Акимову по вопросам снабжения отряда, а так как отряд был действующим, то боеприпасов и принадлежностей мне требовалось много и часто. На этой почве мы с Серегой и сошлись.

– Здражлатщкаплейт! – поздоровался он, едва я зашел в помещение. – Что, опять твои дармоеды все унитары по черным археологам высадили?

– Черных археологов мы бьем прикладом по хребту, – отреагировал я на подначку. – Не хватало еще на них боекомплект жечь!

– Варвары... – притворно огорчился прапор. – Вам бы все по хребту. А может, они приличные люди и к такому обращению не привыкли. Нет бы просто пристрелить, чтоб без мучений...

– Добрый ты, Сережа. – Я по-хозяйски уселся на Серегин рабочий стол. – На дело иду, в автономку. Надо боекомплект подобрать.

– Примерный круг задач? – посерьезнел Акимов.

Специалист он хороший и к делу относился ответственно, без приколов.

– Один на землеподобной планете, предположительно дружественное население, лесостепная и степная местность типа средней полосы. Зверье соответствующее. Наличие дополнительных пунктов боепитания весьма сомнительно.

– Стволы?

– Думаю стандартные взять, не буду изобретать велосипед.

– Чудненько... – ввернул любимое словечко Серега и зарылся в шкаф с боеприпасами. – Я думаю, надо тебе в основном УС затариваться. Пару пачек УУ и пару магазинов к автомату снарядить. УОД вряд ли тебе пригодятся, по кораблям шариться ты вроде не собираешься. К пистолету бери пятьдесят на пятьдесят УУ и УОДов, стандарт не бери. С УУшками ты в случае чего не хуже чем из автомата пальнешь, а для ближнего боя в помещении УОДы.

Помявшись для виду, я все же решил согласиться с Серединой точкой зрения. УС – это «унитар стандартный», то бишь безгильзовый патрон в виде пули, объединенной с энергобатареей. Такой боеприпас использовался для стрельбы из оружия на основе эффекта Гаусса. Выпущенный из автомата стандартный унитар прошибал около пяти сантиметров стали или пару сантиметров композитной брони, обеспечивал прицельную дальность до километра, высокий темп стрельбы и приемлемую кучность, несмотря на незначительную массу – всего десять граммов. Пистолетный УУ – «унитар усиленный» – лишь слегка уступал автоматному

УС по основным показателям, тогда как стандартный пистолетный унитар уже вдвое слабее. Нечего им затариваться – рюкзак с «разгрузкой» не резиновые, лучше автоматных боеприпасов взять больше.

Минимум автоматных УУ – они на десять граммов тяжелее, с урановым сердечником и повышенным энергозарядом, потому и вылетают из ствола с большей скоростью, летят дальше и попадают точнее. Однако от них отдача удвоенная, очередями особо не постреляешь. Нужны будут, когда кого-нибудь издали снять понадобится. Ну и УОД – «унитары увеличенного оставляющего действия» – для пистолета в самый раз: они при выстреле раскрываются тремя лепестками, обнажая тупой стальной сердечник. Удар такой пулей слона с ног сшибает, человека в бронежилете и с силовым полем отбрасывает на несколько метров, а незащищенного вовсе рвет на куски. По здравом размышлении дробовик решил не брать, и так уже немерено на меня навьючено.

– С гранатами что посоветуешь?

– Бери пару десятков ВОГов, оборонительных, – предложил Серега. – Из подствольника если палишь, то на значительную дистанцию, так что осколков можно не жалеть. Пяток ручных гранат, наступательных, и будет чудненько.

– Добро, – согласился я. – Сам примерно так и предполагал. Только ты мне еще пару брусков «симплекса» дай, да взрывателей дистанционных десятков.

– Вот, – начал выкладывать передо мной боеприпасы прапор, – как заказывал. Два боекомплекта к автомату – восемь магазинов УС, два магазина УУ, четыреста УСок и семьдесят УУшек в пачках. К пистолету четыре магазина УУ, четыре магазина УОДов, двести патронов обоих видов в пачках, поровну. ВОГи для подствольника, оборонительные осколочные – двадцать штук в лентах. Пять ручных наступательных гранат ГРН-3. Два бруска пластичной взрывчатки типа «симплекс», десять дистанционных детонаторов. Спрей нужен?

– Давай баллончик, пригодится.

Хорошая штука спрей – гомогенная смесь «симплекса» с жидким наполнителем. Распылил на какую-либо поверхность, приляпал детонатор, одно нажатие кнопки – и препятствие испарилось без шума и пыли. Идеальное средство для вскрытия дверей и люков.

– Получите, распишитесь.

Я рассовал магазины по карманам «разгрузки», повесил гранаты к поясу, а ВОГи затолкал в специальный подсумок. Скинул рюкзак, сложил патроны в пачках, туда же закинул баллончик со спреем. И ощутил себя вычным животным – одного боекомплекта на мне было больше двадцати кило. Вроде как все. Личное оружие в кубрике в сейфе хранится, мне как офицеру положено.

– Бывай, Серега! – попрощался я и с кряхтением взвалил на плечо разом потяжелевший рюкзак.

– Смотри, не надорвись, – позлорадствовал в ответ прапор.

Собственно, сборы можно считать законченными. Офиногенов относительно дальнейших планов ничего не сказал, поэтому я прошел в «предбанник» и сгрузил добытое снаряжение в персональный шкаф. Все равно завтра мимо не пройду, а в кубрике все это добро хранить опасно. Скинул заодно и боевой комбез, переодевшись в повседневный синтетический, да и ботинки старые обул. Нахлобучил на голову пилотку. Наладонник не забыл переместить в правый набедренный карман – традиционное его место. Тут и боевые товарищи нарисовались, снова облаченные в полевой камуфляж, судя по лицам, весьма довольные посещением прапорщика Акимова. Они незамедлительно последовали моему примеру, заняв два соседних шкафчика.

– Капитан, какие планы на вечер? – поинтересовался вдруг Гречко.

– Да ничего особенного не планировал. Оружие приготовлю и спать завалюсь, – честно признался я.

– Есть предложение, и не только мое, посетить вечером офицерский клуб, отдохнуть перед выходом. – Гречко кивнул на старшего лейтенанта. – Матвеев тоже идет. Котов вроде как согласен, а мичмана и спрашивать не надо – правильный мужик, жизнь тонко чувствует.

– В принципе я не против. Во сколько?

– В восемь, в «Эполете».

Кто бы сомневался. Офицерский клуб на базе один.

– Заметано.

Кубрик на базе мне, как командиру штурмового отряда целого фрегата, полагался индивидуальный (в отличие от борта, где я делил жилище со своим заместителем, Мишкой Ивановым, жизнерадостным старшим лейтенантом). Комнатушка три на четыре метра, отделенная от коридора небольшим тамбуром, зато с окном, нормальной койкой, рабочим столом с информсистемой и стеной-экраном. В углу втиснут встроенный шкаф с отделением для обмундирования и оружейным сейфом. Посреди комнаты кресло на колесиках, которое я вечно задевал. Еще один несомненный плюс – наличие крошечного индивидуального санузла, объединенного с душевой кабиной. Хочешь – справляй естественные надобности, хочешь – мойся. Как ни крути, это лучше, чем общие удобства, размещенные в конце коридора.

Первым делом подключился к Сети, законнектил с информсистемой наладонник и поставил на закачку массив информации по Ахерону, который, как выяснилось, подготовили предусмотрительные безопасники. Офиногенов доступ к инфе открыл по первому требованию. Что в общем-то сэкономило мне приличное количество времени и нервов, а посему воздадим хвалу мудрости и дальновидности начальства, да не поразит его запор. Потом подошел к шкафу и провел электронным ключом над замком сейфа. Дождался щелчка открывшейся дверцы, извлек на свет божий стандартный оружейный кофр цвета металлик. Откинув крышку, полюбовался содержимым. В кофре я хранил личное оружие – штатный автомат Михайлова АМ-2515 «Вихрь» и автоматический пистолет Сергеева АПС-17 в набедренной кобуре.

Об оружии надо рассказать особо. Вот уже более трехсот лет в индивидуальном ручном оружии используется принцип Гаусса – пуля в стволе приводится в движение не энергией пороховых газов, а магнитными полями, как в ускорителях частиц. Подобный тип оружия доказал превосходство над огнестрельным за счет большей убойной силы и точности, а над различными видами энергетического – за счет относительно малого энергопотребления и сложности изготовления защитных средств. Любой энергетический заряд, будь то лазерный луч, электрический разряд или сгусток плазмы, обычно обрушивал всю мощь на первое же встретившееся препятствие, стремительно теряя в убойной силе. Грубо говоря, запреградное действие таких систем стремилось к нулю. Разогнанный же до бешеных скоростей магнитными полями кусочек металла с легкостью прошивал что пластик, что композиты, что сталь, не говоря уже про незащищенное человеческое тело. Лазер в принципе теоретически тоже мог пробить любое препятствие, но тут все упиралось в мощность излучения и время воздействия. Всю вторую половину XXI века военные ведомства разных стран пытались разработать ручное лазерное оружие, но результаты этих попыток так и остались на уровне опытных партий и в серию не пошли. «Бластерам» или не хватало мощности, или они были слишком громоздкими для индивидуального применения.

Замену им быстро нашли в виде винтовок, работавших по принципу Гаусса. Первоначально они были гладкоствольными и стреляли металлическими шариками, которые разгонялись магнитными ускорителями, кольцом охватывавшими ствол оружия. Питание ускорителей осуществлялось отдельной батареей. После выстрела приходилось ждать восстановления заряда в конденсаторах магнитной системы, поэтому скорострельность была довольно низкой, примерно как у винтовки с продольно-скользящим затвором. К тому же оружие обладало весьма сильной отдачей. Об автоматическом огне речь даже не шла. В середине XXII века

русский конструктор Петр Иванович Кирилленко предложил использовать в качестве боеприпаса унитар – объединенные в одно целое заостренную пулю и индивидуальный конденсатор, содержащий энергию ровно на один выстрел. Идею удалось блестяще реализовать на практике – винтовка Гаусса, оснащенная механизмом подачи боеприпасов, как в легендарных автоматах прошлого, позволяла вести автоматический огонь. С отдачей справились, сделав ствол нарезным и подвесив его в магнитных опорах – при выстреле часть энергии унитара затрачивалась на нейтрализацию импульса ствола, который по всем законам физики в момент вылета из него пули стремился переместиться в противоположном направлении, а вращение пули в нарезах придавало ему крутящий момент. Это комплексное движение использовалось для привода автоматики. Также стандартным для такого типа оружия стал приклад с гидрокомпенсатором по типу накатника древних артиллерийских орудий. Такая схема индивидуального автоматического оружия прижилась и уже почти двести лет не подвергалась изменениям. Совершенствовались боеприпасы, магнитный контур, но не компоновка и принцип действия.

Сходное со старинными пороховыми автоматами устройство породило подобие в эргономике и дизайне. Лежавший передо мной «вихрь», созданный совсем недавно, всего двадцать лет назад, внешне здорово напоминал бельгийскую разработку начала XXI века – штурмовую винтовку FN SCAR, разве что ствол короче и целиком упрятан в полимерном кожухе. Калибр, правда, больше – 11,5 мм, и пуля вкупе с конденсатором весит целых десять граммов. Плюс пластиковый приклад изменяемой длины с гидрокомпенсатором отдачи. Отсутствие механических прицельных приспособлений компенсировалось компьютерной системой наведения, интегрированной в шлем боевого костюма, а при ее отключении использовался съемный коллиматорный прицел. Питание автомата осуществлялось из традиционного тридцатизарядного отъемного магазина. Конструкция предусматривала три типа огня – одиночными, короткими очередями с отсечкой после третьего выстрела и полностью автоматический режим. Несмотря на относительную сложность устройства магнитного контура, автомат отличался высокой надежностью и неприхотливостью в эксплуатации, за что, собственно, и был принят на вооружение. Мой экземпляр еще оснащен двадцатипятимиллиметровым подствольным гранатометом, а в ЗиПе хранился десятикратный оптический прицел – сделали мне его по индивидуальному заказу, чисто на всякий случай.

В качестве вспомогательного оружия я использовал АПС-17 – двадцатизарядный автоматический пистолет калибра 9 мм. Внешне он весьма походил на бельгийский FN Browning PRO-9, выпускавшийся в начале XXI века. Хороший, мощный и надежный пистолет, разве что очередями из него стрелять все же не рекомендовалось – отдача уводила ствол влево-вверх. Лучше стрелять одиночными, в самозарядном режиме. Или, если совсем припечет, сдвоенными выстрелами – «дабл тап» очень эффективен в ближнем бою. Плюс именно под этот режим оптимизирована программа наведения баллистического компа.

Несомненным достоинством современного личного оружия являлась его низкая шумность – отсутствовали грохот от сгорания пороха и лязг металлических деталей. Акустическое воздействие наблюдалось только от резкого заполнения канала ствола воздухом через сверления по мере перемещения и вылета пули, что напоминало не слишком громкий хлопок в ладоши.

Оружие, не раз побывавшее в деле, доказавшее свою надежность. Будем надеяться, что оно не подведет и при выполнении нового задания. А посему еще раз осмотреть, протереть и вернуть в шкаф.

Запиликал наладонник, извещая об окончании закачки. Устроившись в кресле перед стеной-дисплеем, я отсоединил КПК от информсистемы, спрятал в набедренный карман и обратил внимание на значок нового сообщения в командной строке. Занятно... Кто бы это мог быть? Развернув окно icq-клиента, я увидел знакомый ник – Freya, и прочитал сообщение сле-

дующего содержания: «Тарасoff, до меня дошли слухи, что ты нас покидаешь на неопределенный срок. Давай встретимся и урегулируем некоторые вопросы интимного свойства:»).

Тарасoff: «Когда и где?»

Греуа: «Жди меня в «Эполете» около десяти вечера».

Абонент разорвал связь, оставив меня в легком недоумении. Чего это она удумала? Место и время вполне приемлемы – в восемь там же намечено распитие спиртных напитков с новыми коллегами. А посему я не стал терзаться лишними раздумьями и завалился спать, поставив будильник на полвосьмого.

В «Эполет» я появился без пяти восемь, но, как выяснилось, опоздал. Все четверо новых сослуживцев уже сидели за столиком в дальнем от входа углу. Впрочем, опоздал не сильно – красовавшаяся на столе бутылка водки «Гвардейская» даже не была вскрыта, а из закусок присутствовали лишь тарелки с консервированной мясной нарезкой и такими же консервированными огурчиками.

– О, Тарасов! Давай присаживайся, только тебя и ждем, – поприветствовал меня верховодивший за столом Гречко.

Хваткий мужик, ничего не скажешь.

Я уселся на единственный свободный стул – что характерно, спиной к входу, что меня несколько нервировало, – и пододвинул стопку из небьющегося стекла.

– Наливайте, что ли...

Последующие два часа незаметно пролетели под чинную беседу на вечные армейские темы – кто, где и с кем служил, в каких передрягах побывал, чем планирует заняться после армии – с неизбежным переходом на незамысловатые философствования о смысле бытия. Сопровождалось оное действо неторопливым потреблением крепких спиртных напитков под горячее – шашлык из свинок, выращенных на подсобном хозяйстве базы.

Выяснилось, что у капитана Гречко очень схожая с моей судьба – гражданский вуз, военная кафедра, срочная служба, потом контракт и переход в Десант. Только родился и вырос он не на Земле, как я, а на старейшей колонии – планете Артемида в системе Вольф-359. Климат на ней посуровее, да и сила тяжести слегка превышает стандартную, что и отразилось на внешности капитана. Он уже больше десяти лет женат, имеет двоих сыновей, а последним местом службы была как раз родная Артемида, откуда подразделения Пятой гвардейской убывали в боевые командировки практически по всему Приграничью. В общем, и пороху понюхал бравый капитан, и жизнь повидал.

Старший лейтенант Матвеев, сослуживец Гречко, наоборот, был профессиональным военным. Окончил Академию СБ по программе рейнджера, но попал не в силовые подразделения СБФ, а в действующие войска, в артиллерийскую разведку. Надо полагать, немалую роль в этом сыграло его происхождение – родился и вырос он на планете Фергюссон в системе Росс-614. Почти вся ее поверхность была занята одним большим континентом с ровными, как стол, пространствами – экваториальные саванны сменялись степями средней полосы, которые плавно переходили в тундру в окрестностях полюсов. Лесов было мало, практически все они представляли собой мелкие перелески либо обширные заросли кустарников, типа южноафриканских бушей. С детства увлекавшийся охотой Матвеев в таких условиях превратился в неутомимого ходока, способного преодолеть немыслимые для обычных военнослужащих расстояния. Миниатюрный, сухой и жилистый, он обладал удивительной выносливостью. Семью еще не завел, хотя кандидатура имелась.

Единственный среди нас представитель Службы безопасности – лейтенант Котов – как оказалось, два года как выпустился из Академии СБ, где обучался по программе подготовки полевого агента. Не ошибся я в нем – с этого факультета те еще волкодавы выходят. Хотя служил почему-то в «Вымпеле» – антитеррористическом спецназе, а не в «поле». Родился и

вырос на Земле, в Костромской области. Почти земляк – сам я родом из Самары. Семей не обременен – молод еще. А так родители и сестра в Костроме.

Однако больше всего запомнился мичман Алексеев. Родом с Брода – суровой планеты в системе эпсилон Эридана. На ней самым комфортным для жизни являлся экваториальный пояс, очень схожий с Сибирью, – такие же суровые зимы, короткое лето, необъятная тайга – здешние деревья весьма напоминали земные хвойные породы. Мир неприветливый, требующий полного напряжения сил для выживания. И народ соответствующий – упертый, кряжистый и хозяйственный. Вот и вырос Петр Кузьмич Алексеев, потомственный охотник, весьма целеустремленным, знающим себе цену мужиком. Окончил училище связи, а дальше попал под призыв и оказался в Технической службе Флота, где и провел последующие тридцать с лишним лет. За годы службы овладел профессией в совершенстве, благо натура соответствовала – если уж берешься за дело, то доводи его до конца. Офицером не стал только ввиду отсутствия высшего образования, о чем не очень печалился. Жизнь принимал такой, какая она есть, не терпел излишней суеты и был – самую чуточку – философом.

– Жизнь, ребята, такая стерва, – неторопливо вещал он, поигрывая стопкой, – что всегда найдет куда тебя кунуть. Неважно, плывешь ли ты по течению или из кожи вон выпрыгиваешь, чтобы изменить собственную судьбу. Вот, допустим, живет человек, активно участвует в общественной деятельности, планы строит, рвется наверх изо всех сил, видит себя если не президентом Федерации, то уж сенатором точно – а тут раз, и влетел в аварию на личном авто, что характерно, со смертельным исходом. И осталась после него куча едва начатых дел, а ничего толком завершить он в свои тридцать лет не успел. И пропали все его усилия зря. Все потому, что взвалил на свои плечи слишком тяжелую ношу, не оценил силы собственные. А вот другой – вроде и не полный балбес, но вбил себе в башку, что все само собой обустроится, а потому и лежит целыми днями на диване. Ждет, когда соотечественники вспомнят, что есть такой, допустим, Сеня Жуков – алмаз негнанный, талант непризнанный. А сам и пальцем не шевелит, чтоб чего-то добиться. И доживает такой человечешко до ста лет. Умирает. А после него даже семьи не остается – лень ему в свое время было от дивана задницу оторвать, с девушками пообщаться. А все потому, что вовсе никакой ответственности на себя принимать не захотел, решил, что кто-то за него все сделает.

Я это к чему все, ребята, – продолжил он после принятой стопки, – надо ценить и на все сто процентов использовать каждый прожитый миг. Любой человек ценен на своем месте. Работаешь ты на заводе – работай так, чтоб потом не было стыдно. Не прыгай, как кузнечик, с места на место. Не оставляй за собой хвост из неоконченных дел, и тогда, сколько бы ты ни прожил, после тебя останется добрая память. Пускай у одного человека, но она будет. И помянет он тебя не раз от чистого сердца. А нет памяти – считай, и не было человека. Для чего жил, зачем – не понятно.

– Я вот не боюсь смерти как таковой, – рассуждал он дальше, – хорошо пожил, достаточно сделал, семья опять же неплохая – и сын есть, и дочь, и даже внук намечается. А боюсь я подохнуть глупо, не поменяв жизнь свою на что-то стоящее – хотя бы на жизнь врага. Или на жизнь друга, если смерть моя поможет ему спастись и отомстить. Но в жизни всякое случается, бывает, кирпич на голову упадет – и готово, пожалте в деревянный полушубок! Никто от такого не застрахован. Потому бояться безносую глупо и бесполезно, надо относиться к ней как к мошеннице и быть готовым ее обмануть, как она нас обманывает. Цену настоящую когтями выцарапывать, зубами выгрызать. И не бояться ее, ни при каких обстоятельствах.

Самурай доморощенный, блин. Философ из глубинки. Хотя в чем-то прав, надо признать. Да и импонирует мне его подход к жизни – кремень-человек, сказал – сделал. Настоящий мужик. Такому собственную спину в бою можно доверить не задумываясь. А с другой стороны, упертый и упрямый до невозможности. Как с ним начальство ладит, ума не приложу.

Сидя со стопкой в руках, я наблюдал за сослуживцами и не устал удивляться профессионализму военных психологов – так точно подобрать исполнителей для нашей миссии надо умудриться. Насчет себя ничего не скажу, со стороны виднее, но вот остальные... Гречко и Матвеев при всей своей непохожести напоминали братьев-близнецов, которые даже мыслят одинаково. Разве что Гречко опытнее и мудрее. Мичман Алексеев служил просто идеальным противовесом для пылкого и излишне инициативного молодого лейтенанта Котова. Тот в свою очередь мог кипучей энергией расшевелить старшего товарища, что в некоторых обстоятельствах будет полезно. Эти задачу выполняют любой ценой либо подохнут в процессе. Но не сдадутся и не вернутся побитыми собаками. А я, интересно, смогу так? Время покажет...

Сидевший напротив меня Гречко вдруг округлил глаза и вытянул губы трубочкой, как будто собирался присвистнуть. Но не успел – за спиной послышались легкие шаги, и на плечо мне легла узкая ладошка. Сослуживцы дружно вскочили с мест и склонили головы в галантном поклоне.

Поднявшись со стула, я обернулся и встретился с ней взглядом. Бездонные синие глаза приковывали, манили и заставляли тонуть в них, забыв обо всем на свете. Банальные слова, но по-другому я свои мысли и чувства выразить не в силах. Помню, как первый раз случайно пересекся с ней в диспетчерской. Это было как выстрел, как удар по голове, как адреналиновый выброс. Она буквально обожгла меня взглядом, когда проходила мимо. Мы знакомы уже больше года, но каждая встреча как первая. Никак не могу привыкнуть к ее присутствию. Наверное, кто-то скажет: влюбился как мальчишка. И не стыдно, тридцатник мужику! А мне плевать, я хочу ее просто видеть, хочу тонуть в этих глазах, трогать эти руки, целовать эти губы...

– Здравствуйте, товарищи офицеры! – поприветствовала она всех сразу. – Боюсь, мне придется лишить вас общества некоего капитан-лейтенанта.

Тут я вышел из ступора и решительно взял ситуацию в свои руки.

– Господа! – Легкий наклон головы. – Разрешите представить – Ольга Нефедова, лейтенант диспетчерской службы Флота. Капитан Гречко, старший лейтенант Матвеев, лейтенант Котов, мичман Алексеев.

Сослуживцы реагировали на присутствие Ольги так же, как и я когда-то, то есть пребывали в состоянии обалдения. Разве что мичман Алексеев хитро щурился – мол, молодец, не упусти такую кралю.

Посмотреть действительно есть на что – небольшого роста стройная брюнетка с короткой – до плеч – стрижкой, пронзительными синими глазами и правильными чертами лица. Чуть вздернутый нос, чувственные губы, смуглая кожа – само совершенство. Лет двадцать пять на вид. При взгляде на нее становилось понятно, что имелось в виду под определением «злойная женщина».

Представьте мое состояние, когда она с месяц назад вдруг проявила ко мне интерес. Причем отнюдь не профессиональный, а как к мужчине. Началось все, правда, несколько ранее – примерно три месяца назад – с разговора во флотском чате. Меня привлекли высказывания девушки с ником Freya о счастье. Уж очень они отличались от обычного девичьего бреда о любви, второй половинке, семье и доме.

Freya: «Счастье – когда человек, которого ты провожаешь в путь, возвращается живым. Счастье – когда ты сообщаем окружающим, что он вернулся. Когда наблюдаешь за их лицами, видишь на них радость и радуешься сама от осознания того факта, что это ты доставила им это счастье. А еще большее счастье видеть лицо вернувшегося живым человека».

Тарасoff: «А как же любовь? Чувства? Романтика? Семья? Дом?»

Freya: «Глупости. Бред гражданских дурочек. На войне счастье вполне конкретно, и лично для меня оно такое. Я диспетчер».

Мы проболтали несколько часов, вечер незаметно перерос в ночь, а спать я лег вообще под утро. Я тогда не знал, что Freya – та самая девушка с синими глазами, что так запала в душу. Через два месяца она предложила встретиться. Сюрприз удался на славу.

Потом она призналась, что сразу поняла по нику, кто ее собеседник. И постепенно заинтересовалась мной всерьез. Вот уже месяц мы встречаемся. У нас романтический период – прогулки по зоне отдыха, совместные посещения развлекательных мероприятий в «Эполете», поцелуи под местной луной, правда, в оранжерее – вне базы не очень-то погуляешь, планету недаром называли Бурная. Процесс терраформирования еще только в самом начале, это лет через пятьдесят здесь будет более-менее приемлемый климат.

– Пойдем, – потянула она меня за руку.

– А может... посидите с нами немного? – отчаянно краснея, спросил оробевший Котов.

– Извините меня, но нам нужно обсудить кое-какие вопросы личного характера, – отрезала похитительница и потащила меня к выходу.

Мне не оставалось ничего иного, как виновато улыбнуться собутыльникам и направиться за ней. Хотя я и не сопротивлялся, если честно.

Ольга привела меня в оранжерею, на наше обычное место. Не представляю, как можно в таком крошечном искусственном садике отыскать укромный уголок, но ей это удалось. В самом дальнем углу, на стыке двух стен и крыши из прозрачного пластика, несколько земных туй, обвитых боллианскими лианами, образовали небольшой растительный грот. Здесь можно было с некоторым трудом усесться вдвоем, если тесно прижаться друг к другу. И кусок местного сурового неба в просвете крон. Сейчас как раз один из редких моментов, когда тучи разошлись и проступил рисунок звезд, таких ярких в еще только формирующейся атмосфере колонизируемого мира...

Устроившись на мягкой траве, я приобнял спутницу за плечи и принялся изучать созвездия над головой. В кои-то веки я не знал, что сказать. Ольга сидела обняв колени и о чем-то думала.

– До меня дошли слухи, что ты завтра уходишь... – наконец проговорила она. – Мне кажется, что мы так и не успели сделать нечто важное... Иди ко мне.

Я не стал сопротивляться. Бывают такие моменты, когда лучше подчиниться женщине. Она на инстинктивном уровне чувствует, что сейчас будет правильно, а что не очень, и умудряется не разрушить волшебное очарование таких мгновений неуклюжими попытками что-то сказать или сделать. Я просто поддался ее порыву, ощутил вкус ее губ, прижал к себе разгоряченное тело. Она впиалась в меня, словно пыталась выпить без остатка, чтобы как можно дольше потом сохранить памятью тела эти минуты. Но первый бешеный порыв быстро угас, уступив место нежности и томлению сердца, присущим всем влюбленным. А я уже давно не сомневался, что люблю ее. Мы долго не могли оторваться друг от друга, но наконец Ольга устало выдохнула и уперлась мне в грудь ладошками, отстраняясь.

– Хватит здесь маячить, – сказала она, загадочно сверкнув глазами. – Пошли к тебе.

И потянула меня за руку к выходу из оранжереи.

Я шел за ней словно во сне, машинально переставляя ноги, а в голове билась только одна мысль: наконец-то она моя...

Когда за спиной с тихим щелчком захлопнулась дверь кубрика, Ольга решительно толкнула меня в грудь, уронив на кровать. Одним гибким движением избавилась от комбинезона, оставшись в форменной белой футболке и черных трусиках. Ткань туго обтягивала идеальной формы небольшую грудь с набухшими сосками, и я почему-то никак не мог отвести от нее взгляда. Потом она столь же решительно избавилась от трусиков, продемонстрировав гладко выбритый лобок, потянулась, дав возможность оценить тело с самых соблазнительных ракурсов, и скользнула в кровать. А дальше все было как в тумане...

Потом мы просто лежали в обнимку, тесно прижавшись друг к другу. Невыразимо приятно было ощущать бархатистость ее кожи, вдыхать запах волос, слушать биение ее сердца. Так вот, оказывается, какое оно – счастье...

– Помнишь наш первый разговор в сети? – вдруг спросила она.

– «Счастье – это когда человек, которого ты провожаешь в путь, возвращается живым», – процитировал я по памяти, зарывшись лицом в ее волосы.

– Да... Возвращается живым... Мой муж два года назад не вернулся. Я думала тогда, что не смогу дальше жить. Но теперь у меня есть ты... И я прошу тебя, нет, умоляю – вернись! Вернись живым! – сорвалась она на крик.

И тут же замолчала, как будто перегорело что-то внутри.

– Я буду ждать... Ждать до конца, – прошептала она, – потому что я люблю тебя.

Вот так вот просто взяла и сказала то, что я не решался сказать уже год. Теперь я точно знаю, что пройду весь путь до конца и вернусь, ведь у меня есть такой мощный стимул – любимая женщина, которая ждет...

– Вернусь, обещаю. Обязательно вернусь, потому что я тоже тебя люблю. Ты только жди. Обязательно.

Глава 2

Система Вольф-1061, планета Бурная,

база космofлота «Северная»

23 февраля 2535 года

– Товарищи офицеры! Через десять минут начнем процедуру переброски, – известил нас лейтенант Офиногенов и склонился над громоздким пультом, соединенным толстым кабелем с рамкой внутрисистемного грузового телепорта.

Я стоял и маялся в ожидании, загрузив мозги проверкой списка снаряжения. Вроде ничего не забыл, даже на всякий случай к «вихрю» тактический фонарь прицепил, а на пояс повесил флягу с коньяком – лишним он точно не будет. Нервы они ведь не железные. Рядом точно так же маялись полностью экипированные капитан Гречко и старший лейтенант Матвеев. Парни вчера допоздна засиделись в «Эполете» и сегодня страдали похмельем, но не настолько сильно, чтобы это угрожало заданию. В общем, нормальное для военного состояние. В руках Гречко сжимал такой же, как и у меня, автомат, а из кобуры на правом боку торчала рукоятка мощного Ruger PRO-7 калибра 11,5 мм. Матвеев в качестве основного оружия предпочел снайперскую винтовку «Кобра-М» под зверский четырнадцатимиллиметровый унитар. Отдача у нее будь здоров, не представляю, как миниатюрный старлей с ней управляется. Для ближнего боя у него был припасен компактный «викинг», здорово смахивавший на древний хеклеровский MP-5, калибром 9 мм, и стандартный АПС-17, благо боеприпас оба ствола потребляли одинаковый. Серьезно подготовились парни к походу, ничего не скажешь.

Вообще день двадцать третьего февраля начался совершенно буднично – никто не выдергивал нас из постелей, не орали сирены по всей базе, а суэта в коридорах не выходила за обычный свой уровень. И оркестра с толпой провожающих у входа в грузовой терминал не было. Даже обидно как-то.

Я дисциплинированно поднялся по будильнику в восемь утра, поцеловал сладко спящую Ольгу. Умылся, побрился, принял душ, озаботился завтраком для двоих, оставив ее половину на подносе в кресле. Затем облачился в повседневку и, загрузившись оружейным кофром, отправился на вещевой склад. Ольгу будить не стал, все самое важное сказано ночью, а продлить прощание не хотелось.

На складе под присмотром прапорщика Скупого облачился в подогнанное вчера снаряжение, навьючился рюкзаком, увешался оружием и ушел в сторону грузового терминала. Здесь я столкнулся с сослуживцами в лице Гречко и Матвеева, а также с начальством числом двое: капитаном первого ранга Борщевским и подполковником Калининым. Офиногенов тут же колдовал над аппаратурой. Наручные часы показывали половину десятого утра. Нормально, отправка намечалась на десять ноль-ноль.

– Здравия желаю! – поздоровался я сразу со всеми.

– И тебе не кашлять, – отозвался Борщевский. Он у нас, когда в хорошем настроении, и пошутить может. Правда, не все его шутки можно назвать безобидными. – Скоро начнем уже, садись, не мельтеши тут.

И правда, рядом с рамкой телепорта нашлась парочка свободных стульев. Поэтому я не стал упрямствоваться и уселся на ближайший.

Кому-то может показаться, что у нас не военный объект, а чуть ли не гражданский порт – судя по бардаку и весьма демократичному распорядку дня. Это далеко не так. Патрулирование ведется вахтовым методом – две недели в пространстве, в консервной банке фрегата, потом две недели на базе. Пребывание на базе, хотя и считается отдыхом, является неотъемлемой частью службы. Потому и дисциплина среди личного состава поддерживается строгая, и распорядок выполняется неукоснительно. Просто по сравнению с рядовым и младшим командным соста-

вом, обитающим в казармах, офицеры во внеслужебное время обладают куда большей свободой. Это как на работу в офис, например, ходить – отбыл с восьми до пяти и свободен. В будни офицер Морской пехоты вместе с бойцами занимается учебой, тренировками и подготовкой оружия и снаряжения. Охрану базы несут специально для этого предназначенные подразделения, поэтому выполнять несвойственные задачи нам почти не приходится. Плюс персональное распоряжение коменданта базы отдыхать до отправки. Так и получилось, что последние два дня я был занят блаженным ничегонеделанием. Ну, почти, если не считать брифинги и посещения вещевого склада. Ах да, забыл – еще в медблок пришлось заглянуть, на прививки. И вот «час X» почти настал.

Подполковник Калинин поднялся со стула и окинул нас сосредоточенным взглядом:

– Товарищи офицеры! Заключительный инструктаж никто не отменял. Ваша задача – проникнуть на планету Ахерон и провести первичную разведку. Задача-минимум – разведать пункт назначения и ближайшие окрестности. Постараться вывести телепортационное оборудование из режима сна, подключить источник энергии. Тогда мы сможем организовать более устойчивый и менее энергоемкий канал для вашего возвращения. Если этого сделать не удастся, вам необходимо установить связь с группой на Мьёллнуре. Котов и Алексеев благополучно совершили переход два часа назад. В их задачу помимо активации маяка для приема разведывательного крейсера входит и ваша техническая поддержка. Задача-максимум – вступить в контакт с местным населением и собрать как можно больше сведений о текущих делах в системе. Приоритетным также является проникновение в базы данных военных объектов, буде таковые сохранились. Любые сведения о положении на момент начала конфликта с легорийцами обладают высочайшей ценностью, особенно места базирования кораблей флота, а также боевые приказы первых часов войны. Более всего нас интересует местонахождение экспериментальных крейсеров «Гордый» и «Персей» или любые, повторяю, любые сведения об их судьбе. Связь с базой будете держать через группу на Мьёллнуре, с вероятностью более семидесяти процентов им удастся в ближайшее время наладить стабильный канал переброски. Также каждый седьмой день в 13.00 по федеральному времени мы будем открывать канал для старшего лейтенанта Матвеева, в 13.10 для капитана Гречко, а в 13.20 для капитан-лейтенанта Тарасова. В активном состоянии каналы будут держаться в течение пяти минут. Это основной путь эвакуации. Чаше осуществлять связь посредством телепорта не представляется возможным. Шесть суток – минимальное время для накопления энергии. Вопросы? Вопросов нет, – закончил речь Калинин. – В таком случае, желаю удачи.

Лейтенант Офиногенов оторвался от пульта и переключил внимание на нас.

– Товарищи офицеры, готовность пять минут! – возвестил он. – Первым отправляется старший лейтенант Матвеев, потом около пяти минут на перенастройку точки выхода, и уходит капитан Гречко. Затем еще корректура, и совершает переход капитан-лейтенант Тарасов. Вопросы есть?

Какие тут могут быть вопросы... Я вообще в теории телепортации мало смыслю, хоть и технарь. Как удалось умникам из техотдела СБ вклиниться во *внутрисистемный* телепорт через такую бездну пространства, а тем более активировать его извне – за гранью моего понимания. Но, видимо, трудности тут есть, и весьма значительные, иначе такой способ перемещения из системы в систему вовсю бы использовался уже не один год. Все упирается в энергозатраты, Калинин на брифинге это упоминал.

– Вопросов нет, – вместо лейтенанта резюмировал Борщевский. – Не буду напоминать вам, ребята, как много от вас зависит. Не мальчики уже, сами понимаете. Просто постарайтесь уцелеть. С Богом!

– Начинаю обратный отсчет, – произнес Офиногенов. – Пять! Четыре! Три! Два! Один! Канал открыт!

В раме телепорта возникла зеркальная поверхность, изредка бегущая рябью. Где-то под нами натужно загудели энергоблоки, по балкам портала пробежали синие искры, и пространственное окно сменило цвет с серебристого на непроницаемо-черный. Однако через забрало активированного шлема в бледно-зеленом свете можно было разглядеть в раме очертания какого-то порядочно захламленного помещения.

– Матвеев, пошел! – скомандовал Офиногенов.

Тот не стал медлить и решительно шагнул в черный провал. Поверхность перед ним спружинила, вытянулась, как мембрана из эластичной пленки, и наконец поддалась. Матвеев провалился под завесу измененного пространства телом и провалился куда-то в темноту. Края мембраны моментально срослись, перед нами вновь возникла рябая зеркальная поверхность.

– Переход осуществлен в штатном режиме, – тут же прокомментировал лейтенант Офиногенов. – Перенастраиваю координаты точки выхода. Готовность пять минут.

Признаться, я несколько мандражировал, наблюдая за отправкой Матвеева. Почему-то до самого конца не верилось, что все пройдет как надо и лейтенанта не распылит на атомы в момент перехода. Однако обошлось, и я украдкой выдохнул облегченно.

Офиногенов тем временем с пулеметной скоростью барабанил по клавиатуре навигационного комплекса. Выражение лица сосредоточенное, однако без признаков беспокойства.

– Начинаю обратный отсчет! Пять! Четыре! Три! Два! Один! Канал открыт!

Капитан шагнул к раме телепорта.

– Переход осуществлен в штатном режиме, – вновь доложил лейтенант Офиногенов. – Перенастраиваю координаты точки выхода. Готовность пять минут.

Это у него прямо мантра. Успокаивает себя так, или, может, по инструкции положено? Наверное, все-таки по инструкции, без них у нас ничего не делается... Поймал себя на том, что мысли скачут галопом. Думаю обо всем и ни о чем одновременно, лишь бы не фокусироваться на предстоящем прыжке сквозь бездну пространства. Страшно до жути. Даже стыдно.

– Канал перенастроен, – опять завел песню Офиногенов, – начинаю обратный отсчет: пять, четыре, три... О черт!!!

Энергоблоки загудели особенно натужно, с надрывом. По зеркалу телепорта побежала крупная рябь, по раме вились светящейся змейкой искры. Не нравится мне это!..

– Канал не стабилен, канал не стабилен! – заволновался Офиногенов, изменившись в лице.

– Осуществляем переход, – спокойно произнес подполковник Калинин, упреков в меня тяжелый взгляд.

– Как скажу «один», резко впрыгивай в окно! – проорал Офиногенов, в бешеном темпе молотя клавиатуру. – Не бойся, исходов может быть только два – или уйдешь в систему Ахерона, или здесь выбросит. На куски не разорвет, прецеденты были. Сейчас, еще чуть-чуть...

Я подошел вплотную к мерцающей раме, напрягся в ожидании команды...

– Один!!! – рявкнул лейтенант, и я ласточкой нырнул в провал, изо всех сил оттолкнувшись ногами.

Не знаю, что наблюдали провожающие, но в момент прорыва мембраны я ощутил, как меня сжимают огромные тиски. Тут же в тело вонзился заряд энергии колоссальной мощности, заставив буквально каждую клетку завопить от боли. А затем сознание померкло. Но перед самым уходом в небытие я ощутил удар всем телом обо что-то твердое...

Система Риггос-2, планета Ахерон, База-7

23 февраля 2535 года

Сознание возвращалось медленно, словно нехотя. Первые пару минут я не ощущал абсолютно ничего, даже сомнение закралось – а не в отключке ли я до сих пор? Однако затем все встало на свои места – в мозгу будто щелкнул выключатель, и накатила волна дикой боли. Тело

мое непроизвольно выгнулось дугой, а потом застыло в скрюченной позе эмбриона. Ощущение было такое, словно меня окунули в чан с крутым кипятком, и он впитался в каждую пору кожи, по капиллярам проник в кровеносную систему и добрался до костного мозга. Наверное, так себя чувствуют мученики, которых в аду на сковородках поджаривают. Я дико заорал, попытавшись смягчить боль, но помогло это слабо. Жжение даже усилилось, отбив всякое желание дергаться, перегрузило нервные центры, и наконец я снова провалился в забытье...

Повторное возвращение из глубин беспмятства далось легче. Боль никуда не исчезла, однако стала значительно слабее – настолько, что я смог сдержать стон. Вернулась способность конструктивно мыслить, что позволило заняться анализом собственного состояния. Приказав себе забыть о боли, прислушался к ощущениям. Забавно, но кроме осязания, сообщившего, что лежу на чем-то твердом, остальные чувства служить отказались. Я ничего не слышал – тишина нарушалась только звоном в ушах; ничего не видел – одни лишь цветные пятна перед глазами, какие бывают, если неосмотрительно взглянешь на солнце без темных очков. Еще очень хорошо ощущалось пересохшее горло, а язык напоминал наждачную бумагу. И еще я дышал. Немного затхлый воздух с привкусом плесени благодатным потоком вливался в легкие, минуя патроны-регенераторы. Зацепившись за данный факт, мысли побежали веселее. Какие мы можем сделать выводы из вышеизложенного? Во-первых, я не в открытом космосе, иначе не лежал бы, а парил в невесомости. Во-вторых, меня окружает пригодная для дыхания атмосфера, а значит, я на поверхности планеты или в каком-то помещении с вентиляцией. На заброшенных космических объектах неоткуда взяться атмосфере, а если и есть, то не может там воздух, бесконечное число раз прошедший через регенераторы, пахнуть плесенью. В-третьих, я относительно цел, то есть руки-ноги в комплекте, о чем не позволяет забыть жжение в конечностях. И, в-четвертых, что-то стряслось с боевым костюмом.

Собственно, думать уже достаточно, пора переходить к действиям. Чем я и занялся, с некоторым трудом переместив тело из лежачего положения в сидячее. Переждал приступ головокружения, глотнул тоника из трубки в шлеме. Стало чуть легче. По крайней мере, горло уже не напоминало Сахару, а язык из крупной наждачки превратился в мелкую шлифовальную бумагу. Затем ощупал голову и решительно стянул шлем, сразу же услышав шорох собственной одежды. Глухо стукнуло забрало, зацепившись за магазин в кармане «разгрузки». Где-то недалеко капала вода. Зрение тоже вернулось – позади меня располагался слабенький источник света, который не позволял толком различить детали окружающей обстановки, зато сам легко фиксировался глазом. Обернувшись, я разглядел раму телепорта, на которой светился синий диод – стандартный сигнал подключенного питания. Это радует, даже очень: помещение не обесточено, значит, должно работать хотя бы аварийное освещение. Чтобы осмотреться, мне и его будет за глаза. Осталось только найти рубильник.

Медленно и осторожно поднявшись на ноги, дабы во что-нибудь не врезаться головой, я нашарил на правом плече автомат и включил тактический фонарь. Не зря все-таки озабочился его установкой, сразу же пригодился. Пошарил ярким лучом по раме телепорта, пультам и близлежащей стене, но ничего похожего на рубильник не обнаружил. Крутнулся вокруг собственной оси, разрезав лучом многолетнюю тьму. Подсвечивая под ноги, пошел направо и в скором времени уперся в боковую стену. Судя по размеру телепорта, терминал был небольшим. Прием массивных габаритных грузов здесь не предусматривался, а потому и зал должен быть довольно скромных размеров. Так оно и оказалось. Буквально через пару десятков шагов я уперся в торцовую стену, оснащенную воротами с широкими раздвижными створками. Здесь же в простенке располагался распределительный щит аварийного освещения с искомым рубильником. С некоторой опаской повернул рычаг, замер в ожидании удара током. Ничего не произошло. Неужели резерв сдох? Досадно... Однако в этот момент в стенке загудело натужно, мигнули пару раз и зажглись тусклые диодные лампы, развешанные по периметру на высоте

чуть выше человеческого роста. Я с облегчением выдохнул и выключил фонарь. Теперь можно и осмотреться.

Первичный осмотр помещения выявил в нем отсутствие живых существ, за исключением меня самого. Внушительные ворота закрыты, щель между створками отсутствовала, так что можно какое-то время чувствовать себя в безопасности. В остальном терминал ничем не отличался от аналогичных помещений на любой базе – прямоугольный зал метров десяти длиной и около пяти шириной. Дальняя торцовая стена занята рамой телепорта примерно два на два метра. Рядом громоздкий пульт системы управления, перед ним кресло оператора. Боковые стены уставлены невысокими стеллажами, в ближнем левом углу отгорожен закуток для складирования мелких грузов – в общем, все как обычно. За исключением того факта, что все поверхности, кроме разве что потолка, покрыты толстым слоем рыхлой пыли. Да и в воздухе ощущалась приличная концентрация, особенно после того, как взрыл ее хождениями – на полу остались глубокие следы. Чувствуется, что помещение не использовалось уже давно, десятки, если не сотни, лет. А я, наивный, подумал, что лампы тусклые! Да они просто пылью заросли.

Не обнаружив в зале ничего интересного, я проковылял к стене с телепортом, по пути чихая и отплевываясь от забившей носоглотку мелкой трухи. Скинул рюкзак, аккуратно положил автомат на сенсорную клавиатуру навигационного компьютера – у Офиногенова на пульте, помнится, такая же была – и осторожно опустился в кресло оператора. Провалился самую малость – обивка за много лет успела истлеть, но пластиковое сиденье держалось крепко. Ну вот, теперь можно и о себе позаботиться, а то достало уже противное жжение во всем теле. Стянул перчатки, пошарил в нарукавном кармане и извлек на свет божий упаковку универсального «пейнкиллера». Сжевал таблетку, с удовольствием ощутив, как уходит боль, оставляя взамен лишь легкую слабость и головокружение. Но и это скоро пройдет – побочный эффект от лекарства. Тоника бы сейчас, но рюкзак ворочать лень. А посему я дотянулся до фляги на поясе и с удовольствием глотнул коньяка. Подумал чуточку и извлек из потайного кармана маленькую плитку шоколада. Под закуску живительная влага пошла еще веселее. Однако увлекаться не стоило, а посему я ограничился еще парой глотков и спрятал емкость.

Посидев несколько минут в расслабленной позе, я решительно поднялся и приступил к осмотру снаряжения. Поверхностный анализ выдал неутешительный результат. Оружие и боеприпасы целы, но баллистический компьютер приказал долго жить. Вот почему я ничего не видел и не слышал в шлеме. По этой же причине не сработала аптечка. С экзоскелетом тоже можно было попрощаться – без компьютера он превратился в бесполезные эластичные жгуты, протянутые вдоль тела. Равно как и с активной защитой, несмотря на достаточный заряд в энергоблоках. Чем же меня так приложило во время перехода? Сдается мне, тут причина всех бед...

Взгляд зацепился за пульт телепорта. Под толстым слоем пыли ничего не было видно, но, когда я положил на него автомат, а затем и перчатки бросил, целостность покрытия нарушилась. Теперь на нем можно было различить мерцание какого-то сенсора. Я сгреб в сторону автомат и перчатки, смахнул пыль и получил доступ к контрольному монитору, который, собственно, и мигал диодом. Ткнул в сенсорный экран пальцем, пробудив его к жизни. Прямо по центру торчала большая табличка с предупреждением: «Критический уровень энергии! Возможны сбои в работе! Рекомендуется включить основное питание».

Вот все и прояснилось. За сотню лет энергонакопители почти сдохли, и если на поддержание системы управления в ждущем режиме, равно как и на аварийное освещение, энергии хватало с избытком, то на активацию телепорта и переброску груза уже нет. Тем более на такие расстояния. Поэтому непосредственно в момент перехода произошел сбой канала. Мне еще повезло, что выбросило в пункте назначения целиком, а не фрагментами, что бы там Офиногенов ни говорил. Всего лишь под энергопробой угодил. Однако всей активированной элек-

тронике хана приснилась. И каждые седьмые сутки обратный канал теперь не пробьют, это сто процентов. Со связью даже в пределах планеты вполне очевидная проблема – передатчик в шлеме, а он сдох. Как говорит один мой знакомый прапор, мы не ищем проблем, они сами нас находят.

А как обстоят дела относительно хороших новостей? Из снаряжения ничего не потерял – уже хлеб. Есть инструменты, есть оружие и боеприпасы. Это не электроника, магнитные контуры экранированы, чтобы здоровью не вредить. Есть запас энергии в батареях, есть сухпай. Временное убежище тоже в наличии. В общем, жить можно. И самое главное – есть комп-наладонник с массивом нужной, а теперь даже жизненно необходимой информации. Достав девайс из набедренного кармана, я нажал кнопку включения и заледенел на секунду от дурного предчувствия. Однако тут же обрадованно выдохнул – экран тускло засветился, возвестив о загрузке системы.

Первым делом вывел на дисплей схему Базы-7 и отыскал расположение грузового терминала. Картинка порадовала. Судя по плану, убежище располагалось в складском комплексе в стороне от взлетно-посадочной полосы и ангаров с истребителями. Комплекс большой по площади, но невысокий – два этажа вверх и подвал, в котором устроен телепортационный узел. Даже если в него попали при обстреле, завалить намертво не должно. Согласно схеме, от грузового терминала до ближайшего выхода на первый этаж около десяти метров. Что в общем-то логично – многие грузы требовали немедленной доставки в мастерские или другие отделы, а потому далеко таскать их нерационально. Весь остальной подвал выделен под склад длительного хранения. На первом этаже располагались складские службы и грузы, хранящиеся до использования не более тридцати суток, – так называемый активный резерв. На третьем хранили имущество, которым этот резерв восполнялся, то есть большие партии однотипных изделий. Если строение не разрушено, можно будет тут пошариться, может, что полезное найду. Но это потом. Сейчас перекусить и спать. А после отдыха нужно будет ремонтом заняться.

Проспал я почти пять часов, судя по таймеру в наладоннике. Кстати, наручные часы тоже при переходе накрылись – теперь у меня даже компаса нет. Нужно с этим что-то делать. Я в подвале вечно сидеть не собирался – еды всего дней на пять, при самой жесткой экономии. Правда, есть еще концентраты, но их жрать можно, лишь если совсем припрет. Вода нужна, ее у меня вообще немного – сколько в бурдюк в рюкзаке умещается. Литров пять примерно. Придется вылезать наружу, а там проблема ориентирования на местности будет весьма актуальна.

Однако первым делом надо привести себя в состояние хотя бы минимальной боеспособности. Для начала осмотрел шлем. Баллистический комп сгорел, превратив дисплей на внутренней стороне забрала в черную светонепроницаемую поверхность. С этой проблемой я справился достаточно легко – обрезал шлейф видеовыхода и подсоединил к силовым жилам питание напрямую от батареи (для чего у меня в наборе инструментов имелся специальный девайс в виде кабеля с «крокодильчиками»). Дисплей тут же ожил, пленка жидких кристаллов начала светлеть, пока не стала прозрачной. В левом верхнем углу дисплея высветилась иконка отключения изображения. Ткнул в нее пальцем, дождался прекращения мигания значка активации и отрубил питание. Забрало осталось прозрачным изнутри и матово-черным снаружи, но это уже просто поляризованное покрытие – антибликовое и одновременно светофильтр. Шлем превратился в элемент брони – вся электронная начинка в нем либо погорела, либо была отключена. Теперь я лишен компьютерного целеуказания и наведения, равно как и системы навигации. Жаль, конечно, но не смертельно.

Порылся в рюкзаке, извлек подсумок с ЗиПом к автомату. Заглянул внутрь, удовлетворенно хмыкнул. Как говорил Филеас Фогг, «используй то, что под рукой, и не ищи себе другого». Раз компьютерный прицел накрылся, будем пользоваться коллиматорным – закрепим его над стволом, благо специальная «рельса» почти над самым цевьем имеется. Так он деся-

тикратнику, который устанавливается на ту же верхнюю рельсу, мешать не будет. Быстро и удобно. Оптика довольно компактная – три сантиметра диаметром и около десяти длиной, и хранить ее можно в специальном кармане «разгрузки». Оба прицела пристреляны еще на базе, а качество изготовления и жесткость крепления избавляли от необходимости повторения этой процедуры после каждого демонтажа. Конечно, если я их на другой автомат нацеплю, тут уж ничего не поделаешь – придется пристрелять.

Готово. Приложился пару раз к автомату, навел точку в рамке коллиматорного прицела на рубильник в дальнем углу, резко повернулся несколько раз, выцеливая трубки ламп на стенах, – вроде нормально. Оптику потом проверю, когда на поверхность выберусь.

С экзоскелетом пришлось повозиться дольше. Защиту и «разгрузку» я перед сном скинул, чтоб хотя бы с минимальным удобством улечься. А теперь еще и боевой комбез снял, оставшись в термобелье. Вся закавыка в том, что питанием экзоусилителей управлял баллистический комп, реагирующий на мысленные приказы. Для этой цели у него имелся специальный датчик с фильтром, который регистрировал излучение мозга оператора, когда он произносил про себя определенные команды. Интерфейс настраивался на каждого бойца индивидуально при первой активации компьютера. Изменяя подачу энергии в реальном времени, баллистический комп позволял варьировать степень усиления. Ориентировался он на встроенные в комбез датчики движения, определявшие скорость и положение частей тела в пространстве, а также напряжение мышц. Соответственно с активированным компом можно нормально контролировать усилие экзоскелета – оно всегда пропорционально мышечному. При должной сноровке отдельные виртуозы даже хрупкие предметы, типа куриного яйца, умудрялись брать в руки. Теперь же эта функция недоступна.

Восстановить подачу энергии на силовой контур легко, я бы даже сказал, элементарно – перерезать шлейф от компа и пустить провод питания напрямую от батареи. Ну еще сенсор включения-выключения не забыть приспособить. Жаль только, что такая схема позволяла осуществлять работу экзоскелета лишь в двух режимах – «вкл.» и «выкл.». Причем режим «вкл.» постоянно вдвое увеличивал максимальное для данной конкретной мышцы усилие, невзирая на степень ее напряжения. Проблема проистекала из того факта, что встроенная непосредственно в боевой комбез микросхема БИОС отслеживать и анализировать данные с датчиков движения не способна, но при этом в нее зашит механизм защиты – она аппаратно ограничивает подачу энергии на экзоусилители и не позволяет превышать максимальное усилие мышцы более чем вдвое. Нижний же порог ограничивать нечему – комп сгорел. Вот и получался из морпеха в режиме усилителя «вкл.» этакий разрушитель, неспособный контролировать собственную силу. Однако даже такой односторонний режим гораздо лучше, чем ничего, а посему я проделал все вышеизложенные операции и вывел сенсор управления на липучке через горло комбеза. Крепить его на наплечнике буду, так удобнее всего получится.

По такому же принципу восстановил функционирование защитного поля – подал питание на генератор напрямую от батареи и интегрировал в контур сенсор управления. Сенсор, правда, на наплечник выводить не стал, закрепил на самом генераторе – левой рукой его там легко достать. Хотя активной защиты я лишен, однако уже тот факт, что можно включить постоянное поле вручную, откровенно радовал. В таком режиме защита съедает прорыв энергии, и тройного запаса батарей хватит на полчаса, не больше. Но это дополнительный шанс сохранить в целостности шкуру, потому манкировать им не стоило.

Облачившись в боевой костюм и нацепив броню, я потыкал в сенсоры, проверив работоспособность восстановленных систем. Результатом остался доволен – и поле, и усилитель включались без проблем. Вот и замечательно. Единственная проблема возникла с выключением экзоскелета – все левое плечо отбил, пока попал по сенсору. Но и с этим справился успешно – стал нажимать подбородком.

Осталось решить проблему с навигацией. Тут у меня были домашние заготовки – не зря с собой наладонник тащил. К этому замечательному устройству существует множество дополнительных прирамбасов, и один из них – компактный беспроводной монитор в виде монокуляра, похожий на половинку очков. Крепится соответственно на ухе дужкой, в которую интегрирован динамик и приемное устройство с аккумулятором. При желании его можно запитать от батареи наладонника, но тут уже от провода никуда не деться. КПК у меня из разряда high-cost моделей, а потому этот полезный девайс шел в комплекте, наряду с беспроводными стереонаушниками. Так что я лишний раз порадовался, что не поленился закинуть в футляр с инструментом еще и ЗиП к наладоннику.

Нацепив активированный монокуляр на правый глаз, я переключил на него отображение рабочего стола. Получилось не очень удобно – чтобы пользоваться стилусом, все равно приходилось коситься на экран наладонника левым глазом. Впрочем, после включения программы-навигатора управлять ею уже не требуется, а потому во время пути комп будет покоиться в предназначенном для него кармане. Для надежности все же подключил к монокуляру питание от батареи, пропустив провод под комбезом вдоль спины и правого бедра через специальное отверстие прямо в набедренный карман, куда и упрятал наладонник, запустив предварительно приложение с картой местности. Прямо на карту проецировался план здания, на котором иконкой в виде человеческого силуэта отмечено мое местоположение. Точка отсчета координат, таким образом, в наличии имелась, а дальше уже дело техники – в наладонник встроен необходимый инструментарий для ориентирования в пространстве. Так, с навигацией тоже все ясно. От батареи мой компактный компьютер проработает в активном режиме до сорока часов, этого времени с избытком хватит на совершение двух дневных переходов. Потом его придется заряжать, что тоже особой проблемы не представляет – я нес с собой тройной энергозапас, а полный заряд батареи наладонника не составлял и сотой доли имевшейся в наличии энергии. Все, что мне нужно, – обычный кабель питания с мини-разъемом и десять минут времени.

Шабаш. Лучше подготовиться к выходу на поверхность все равно не смогу, так что не будем тянуть кота за некий орган на букву «х» (я про хвост, а вы что подумали?) и приступим к дальнейшей реализации плана. Попросту говоря, настал черед двери.

Хотя стоп, дверь подождет несколько минут. Я задержал взгляд на пульте телепорта с мерцающим дисплеем. Тут же возникла мысль покопаться в компе – чем черт не шутит, может, что ценное обнаружится. Не откладывая дело в долгий ящик, я подошел к пульту и ткнул пальцем в предупредительную надпись, так и горевшую в центре экрана. Она тут же свернулась, явив взору стандартный рабочий стол служебного компьютера. Попытка просмотреть содержимое логических дисков выявила наличие отсутствия какой-либо посторонней информации – диск D девственно чист, даже порнухи никакой не завалилось, а диск C содержит стандартные системные файлы. Правда, тут нашелся журнал учета грузов, но ничего интересного он не содержал. Рабочий компьютер грузового терминала являлся частью локалки, но в данный момент значок сетевого подключения перечеркнут красным крестом – доступ к сети отсутствовал. Ну что ж, подобного можно было ожидать. Однако попытаться в любом случае следовало, я бы потом сам себя извел, если бы не попробовал пошерстить включенный комп. Теперь можно с чистой совестью приниматься за дверь.

Подхватив автомат, до того лежавший на пульте, я подошел к двери и внимательно ее осмотрел. Она оказалась весьма солидной – две броневые переборки, откатывавшиеся в стороны, плотно прилегали друг к другу, не оставляя в стыке даже малейшей щели. Вот будет хохма, если приводной сервомеханизм накрылся от старости! Пульт нашелся в том же простенке, где и рубильник аварийного освещения. Первичный осмотр привел к неутешительным результатам – датчик готовности не горел, а сенсорная клавиатура не реагировала на касания. Вывод очевиден – сервомеханизм обесточен. Проблема в общем-то серьезная – добраться до

проводки я не мог, равно как и запитать от батарей боевого костюма привод – он, судя по всему, или располагался с другой стороны стены, или вовсе в нее вмурован. Оставался только варварский метод – взорвать стену. Но если к нему прибегать, то проще рвануть непосредственно одну из створок. Что я и решил проделать.

Снял рюкзак и, немного в нем порывшись, извлек на свет божий баллончик с жидким «симплексом» – мы такие используем при abordage, когда вскрываем двери и переборки. Мощная штука, при желании можно даже в борту корабля дыру пробить, правда, в несколько заходов. Распылил взрывчатку по створке, оконтурив будущий «люк» высотой примерно в рост человека и шириной около полуметра, прилипал дистанционный взрыватель. Отошел в простенок, чтобы железякой не накрыло, и нажал на кнопку. Раздался громкий хлопок, завоняло расплавленным металлом, и кусок броневой створки около пяти сантиметров толщиной с глухим гулом рухнул на пол. Из дыры с шорохом посыпался разнообразный строительный мусор – щебень, раздробленный в пыль раствор, просто земля. Все это было сдобрено мелкими кусками пластика и осколками стекла. Занятно... Это что же, я тут замурован, что ли?

Дождавшись, когда иссякнет поток мусора, я зафиксировал автомат за спиной в специальных зажимах на рюкзаке, вооружился саперной лопатой и снятым с «вихря» тактическим фонарем и заглянул в проем «люка». Луч уперся в какую-то преграду буквально в полтора метра от створки. При более внимательном рассмотрении она оказалась плитой межэтажного перекрытия, которая надежно похоронила вход в грузовой терминал. Вполне возможно, что только по этой причине он и сохранился. Хотя, судя по наличию питания телепорта, должен уцелеть почти весь подвал – если верить плану здания, энергоустановка с батареями аварийного энергозапаса располагалась в самом дальнем от входа углу. Скорее всего, два верхних этажа складского комплекса уничтожены, а также частично разрушены подвальные помещения в районе входа. А посему рациональнее всего пробиваться к поверхности прямо здесь и сейчас. Проламываться глубже в подвал нет смысла – неизвестно, какой толщины могут быть завалы в других частях здания. А посему будем взрывать.

– Люблю запах свежего динамита по утрам, – пробормотал я и извлек из рюкзака брусок «симплекса».

Направленным взрывом тут не обойдешься, из дыры в плите может еще бог знает сколько мусора насыпаться, замучаюсь откапывать. Поэтому взрыв нужно устроить мощный, чтобы волной и давлением плиту откинуло.

Закрепив на поверхности плиты брусок пластичной взрывчатки, я воткнул в него дистанционный взрыватель и вернулся в помещение терминала. Такое количество «симплекса» рванет весьма нехило, что в закрытом помещении чревато травмами разной степени тяжести, включая тяжелую контузию. Потому необходимо позаботиться о собственной безопасности. Активировав экзоскелет, я довольно быстро переволок вырубленный взрывом кусок брони в дальний угол, где и отгородил небольшой закуток. Отключил усилитель, с минимальными удобствами разместился за импровизированным щитом и активировал защитное поле, не забыв нахлобучить шлем и загерметизировать стык. После этого оставалось лишь нажать кнопку на пульте. Грохнуло оглушительно, пробарабанили по броневому листу мелкие камни и прочий мусор, толкнула упругая волна воздуха, и слегка заложило уши. Мигнули лампы аварийного освещения, но против ожидания не погасли. Вроде живой, пронесло. Я отключил силовое поле и отправился посмотреть на дело рук своих.

Результат впечатлял и весьма обнадеживал. Вместо плиты перекрытия пролом в двери теперь был заблокирован рыхлой смесью из земли, щебня и пластиковых обломков. Пришло время поработать лопатой. Закаленное лезвие легко погружалось в «грунт», и я принялся увлеченно разгребать завал, откидывая мусор штыком лопаты. Примерно через полчаса в проем перестали сыпаться новые порции, через сорок минут в дыре над завалом показался свет, а через час работы я выбрался из подвала, оказавшись почти на самом дне большой воронки.

Похоже, в здание попала ракета класса «воздух – земля» с фугасным боеприпасом, и взрыв смел верхние этажи и разрушил часть подвала. В общем, угадал я с направлением – в любом другом месте завалы гораздо значительнее.

Я сел на дно воронки и посмотрел в небо нового мира, прищулив глаза. Мир в ответ весьма неприветливо посмотрел на меня и нахмурил брови низких облаков, совершенно скрывших местное солнце, сиречь звезду Риггос-2. Хорошо хоть не разрыдался дождем, с таких туч станется.

На одном месте я решил не засиживаться. Сиди не сиди, а яснее обстановка сама по себе не становится, нужна хотя бы поверхностная разведка. А из старой оплывшей воронки много не увидишь. Пришлось выбираться наверх. Странно, сто лет прошло с момента бомбардировки, а местная растительность так и не отвоевала клочок земли, занятый когда-то людьми. По склонам воронки кое-где торчали чахлые пучки травы, но и только. Что же тут такое рвануло, что почва превратилась в бесплодную смесь пыли и мелкого гравия? Такое ощущение, что в складской комплекс сначала попал фугас, превративший его в развалины, а потом сверху все тщательно проутюжили вакуумными бомбами, так что выгорел даже слой гумуса. А что, похоже на правду...

Выбравшись из воронки, я укрылся за угловатым валуном, на поверку оказавшимся куском межэтажного перекрытия, и первым делом осмотрел окрестности. Если верить плану базы, в том районе, где я сейчас находился, располагался ремонтный комплекс, включавший склады запчастей и принадлежностей, а также ангары, в которых ремонтировалась поврежденная техника. Территория базы тянулась на десять километров с севера на юг, ремкомплекс притулился в ее верхнем правом углу. По этой же стороне периметра ниже через каждый километр размещались ангары с готовыми к бою истребителями, по эскадрильям. В самом низу, на юге, располагался административный комплекс – штаб, диспетчерская, казармы комендантского батальона, автопарк, склад ракетно-артиллерийского вооружения и заправочная база. От нее топливо по подземным трубопроводам поступало к заправочным терминалам непосредственно в распоряжении эскадрилий. Сейчас о былом величии базы напоминали только руины почти до основания разрушенных зданий да потрескавшийся, как от сильного жара, пенобетон взлетных полос. Сквозь широкие щели пробивалась не только трава, но и кусты, образовавшие вполне приличный подлесок. Серо-зеленая равнина бывшего стартового комплекса истребителей планетарного базирования тянулась на юг и запад до предела видимости, тут и там взгляд наталкивался на кучи камней и искореженный металл останков боевой техники.

В северном и восточном направлениях пейзаж выглядел веселее. За остатками пенобетонных стен периметра, от которых частично сохранилось даже несколько пролетов, буквально в километре зеленел лес, густо покрывавший склоны невысоких холмов довольно плотной гряды. Судя по карте, на некоторых из них были размещены зенитные батареи. Достав из кармана «разгрузки» прицел-десятикратник, я вооруженным взглядом осмотрел цепочку высот и сразу же выявил несколько заросших кустами проплешин в рядах деревьев. Все ясно. От батарей тоже мало что осталось. Осмотр взлетного поля через оптику только укрепил меня в мысли, что База-7 была разрушена до основания интенсивной атмосферной бомбардировкой. С вероятностью девяносто процентов можно было предположить, что больше никаких источников информации я здесь не найду, если только вернуться в терминал и попытаться пробиться в сохранившиеся подвальные помещения. Однако план здания показывал, что все вычислительные мощности располагались на разрушенном первом этаже, в подвале же если что и было, то только рабочие станции типа компа на пульте телепорта. Ценность их как источников информации стремилась к нулю, если не к отрицательной величине. Посему вставал очень важный вопрос: что дальше? В принципе реальных вариантов всего два: идти на юг в надежде хоть

что-то обнаружить на месте, несомненно, разрушенного административного комплекса или же идти на север, в сторону Полигона-1, а затем и города Чернореченска.

Первый вариант мне нравился мало – тащиться десять километров по незнакомой открытой местности, чтобы в результате полюбоваться очередными руинами, представлялось весьма сомнительным удовольствием. Однако второй вариант привлекал еще меньше – перспектива пешего марша минимум на полтора километра по лесостепной местности без каких-либо ориентиров, по азимуту, с возможным призом в конце пути в виде безжизненной кучи обломков, самого отъявленного оптимиста превратит в пессимиста. Пока есть хоть малейший шанс что-то раздобыть на базе, надо его использовать. По лесам побродить я всегда успею. Поэтому все же решил провести полную разведку объекта – для очистки совести, да и просто пугающий поход в неизвестность оттянуть.

Осталось решить, когда отправляться в путь. Затянутое тучами небо не позволяло даже приблизительно определить, сколько времени осталось до темноты, – вокруг царил легкий полумрак, который запросто можно было принять за начало сумерек. К тому же складывалось впечатление, что с минуты на минуту пойдет дождь, противный такой, мелкий и морозящий. Вообще, если верить компьютеру, на этой широте в Северном полушарии сейчас стояло лето. Однако погода больше напоминала середину октября или конец марта в Самаре – промозгло, свежо и ветрено. Таймер в наладоннике показывал федеральное время, но сутки на Ахероне примерно на час длиннее стандартных, а местный год составляет четыреста тринадцать дней, поэтому кореллировать показания компьютера с местным временем у меня не получалось. Хотя стоп, чего это я торможу. У меня же нехилый массив информации по системе имеется, надо в нем порыться.

Искомые данные нашлись в первой же папке под названием «Краткое описание системы Риггос-2». Был тут и местный календарь, и карта часовых поясов населенных планет системы, и таблица соответствия стандартного летосчисления местному. Зная свои координаты, я без труда определил местное время с точностью до часа и задал его текущее значение во втором окошке таймера. Выходило, что до темноты еще около четырех часов. В принципе времени на десятикилометровый марш-бросок достаточно, но где потом в потемках укрытие искать? Переночую лучше в грузовом терминале, а оставшееся до отбоя время потрачу на проникновение в заваленный подвал – вдруг что интересное обнаружу.

В заблокированную часть подвала удалось проникнуть на удивление легко – в очередной раз помог баллончик с «симплексом». Перегородка из пенобетона далеко не броневая переборка, поэтому я не стал мудрить с вырубанием прохода направленным взрывом, а просто распылил аэрозоль по площади. В результате кусок стены достаточного размера, чтобы протиснулся человек среднего телосложения со снаряжением, в буквальном смысле слова испарился, открыв доступ в соседнее помещение.

Из дыры тянуло плесенью и затхлой пылью, что недвусмысленно говорило о разгерметизации помещения, поэтому что-то полезное отыскать там вряд ли светило. Однако я решил быть последовательным в претворении в жизнь собственных планов. Придушив робкие ростки лени и совсем незначительный страх темноты, протиснулся в свежесформированный пролом, разогнав тьму лучом тактического фонаря, вновь поселившегося на автомате. Судя по плану, за стеной грузового терминала располагался вспомогательный склад, предназначенный для кратковременного хранения тех грузов, которые не требовали немедленного перемещения на верхние этажи. Представший передо мной бокс был немного меньше терминала, однако захламлен куда значительно. Повсюду без видимой системы навалены ящики из гофрированного металла и пластика, кофры типа оружейных, а также странные кучи мусора, на поверку оказавшиеся обыкновенными картонными коробками, просто сгнившими в труху. А тут прямо Клондайк какой-то, как я посмотрю.

Осмотрев помещение на предмет наличия других входов и выходов, я убедился, что такая же двустворчатая броневая переборка, как и в терминале, плотно закрыта. Отыскался и рубильник аварийного освещения, как легко догадаться, в простенке рядом с дверью. Лампы нехотя, с миганием и через одну, но загорелись, залив помещение тусклым светом сквозь пылевой фильтр. Опять придется проламываться через броню, чтобы выйти в центральный коридор. Если он не завален или завален частично, это будет оптимальный путь к остальным боксам. Кто знает, что в них может храниться – вероятность упереться в штабель тяжелых контейнеров после элиминации куска стены очень высока. Однако сначала надо здесь пошариться, потешить любопытство.

Выбрав отдельно лежащий металлический ящик с магнитным замком, я подошел к нему и попытался открыть. Удивительно, но крышка без сопротивления откинулась на шарнирах, явив взору ряды плотно уложенных пластиковых коробочек размером с мой наладонник. Вскрыв первый попавшийся, обнаружил в нем... Что бы вы думали? Компьютер-наладонник столетней давности. Вот так находка! Да тут что угодно может валяться, вплоть до оружия и боеприпасов. Хорошее место, в общем.

Ткнул в кнопку включения, попытавшись реанимировать наладонник, но результата достиг нулевого – оказывается, батарея из него вынута. Покопался в ящике и нашел искомое на самом дне, в специальном отделении. Там их оказалось около сотни, видать, по количеству компов. Вщелкнул небольшой параллелепипед в гнездо наладонника, повторил попытку включения – снова ничего. Батарея или разрядилась за десятки лет, или, что более вероятно, поступила с завода в незаряженном виде. Ну эта проблема решаема – помогут девайс с «крокодильчиками» и энергобатарея на поясе. В очередной раз нажав кнопку питания, я удивленно уставился на оживший экран наладонника. Работает, надо же... Хотя, если подумать, что ему могло сделаться? Стандартная военная модель, защищенная от всех мыслимых воздействий, чуть ли не с десятикратным запасом механической прочности, в пылевлагонепроницаемом корпусе – этим наладонником гвозди можно забивать, и ничего ему за это не будет. Главное, что батареи живые. Если на планете сохранилось население с минимумом технологий столетней давности, этот ящик может стать большим подспорьем. Жаль только, что для меня он никакой ценности не представляет – память компа девственно чиста. Они же прямо с завода или с оптового склада, кроме операционной системы, в них и быть ничего не может. Однако спрятал оживленный экземпляр в рюкзак – кто знает, вдруг и пригодится. Иногда я бываю таким куркулем, что сам диву даюсь.

Осмотрев еще несколько ящиков, убедился, что в них тоже хранятся комплектующие к сложной электронике. Это я определил по маркировке, открыть удалось лишь еще один, наполненный компактными блоками питания для стационарных компьютеров. В сгнивших коробках когда-то хранилось обмундирование или что-то похожее, а в кофрах, по-видимому, содержались наборы инструментов и прочие ремонтные приблуды. Тут я вспомнил про обнаруженный в памяти рабочей станции телепорта журнал учета груза и обругал себя матерно. Нечего больше по подвалу шариться, надо просто документацию изучить – и будет мне счастье.

Вернувшись в терминал, законнектил наладонник с рабочей станцией. Скопировал нужный файл и вырубил комп телепорта, дабы не тратил и так уже мизерные запасы энергии из накопителей здания. Затем перекрыл дыру в створке двери «растяжкой» – гранатой с активным лазерным взрывателем, реагирующим на пересечение луча (не зря запасся такими полезными мелочами, знал, куда иду), и ради экономии отключил аварийное освещение. Ночевать решил во вспомогательном складе, предварительно прикрыв проход в стене штабелем тяжелых ящиков.

С трудом расчистив небольшой клочок пространства, я скинул рюкзак, «разгрузку» с бронежилетом и относительно удобно устроился на полу, воспользовавшись в качестве подушки все тем же рюкзаком. Шлем тоже решил снять – прошлого раза с избытком хватило,

шею потом долго ломило от скрюченной позы. Поужинал сухпаем, запив тоником. На сон грядущий полистал журнал учета, оказавшийся на редкость нудным и скучным, но вовсе не лишенным полезности чтивом. Из этого чисто бюрократического документа удалось выяснить, что как раз за пару дней до вторжения легорийцев на базу пришел груз разнообразной электроники, предназначенной для апгрейда ее вычислительных мощностей. В дело ее пустить просто не успели, и осталась куча компьютерного железа пылиться в подвале, замурованном взрывом. Что характерно, в журнале напротив названия груза аккуратно вписаны номера помещений, в которые этот груз отправлялся на хранение. Надо будет на досуге изучить его подробнее. С этой мыслью я благополучно заснул.

*Система Риггос-2, планета Ахерон, База-7
24 февраля 2535 года*

Второе пробуждение в этом мире оказалось гораздо приятнее первого. Относительно, конечно. По крайней мере, шею не ломило, и голова не раскалывалась от боли, как вчера. Хотя умыться бы не помешало, но в данный конкретный момент это для меня роскошь – вода только питьевая, да и той в обрез. Даже зубы нормально не почищишь. Впрочем, для гигиены полости рта давно уже придумали специальный антисептик – набрал в рот, погонял немного и выплюнул. В результате свежее дыхание на весь оставшийся день. Говорят, его специально для Десанта разработали, это потом он повсеместно распространился. Ну и как тут не скажешь, что армия – двигатель прогресса? Все же вместо умывания пришлось довольствоваться влажной гигиенической салфеткой из предусмотрительно захваченного запаса. Ее хватило, чтобы стереть с лица крем-эпилятор – не терплю щетины – и кое-как протереть руки. Хорошо, что под комбезом термобелье, которое пот утилизирует моментально, а то уже благоухал бы на всю округу.

Дальнейшие сборы много времени не заняли. Разобрал баррикаду и выбрался на поверхность, предварительно деактивировав «растяжку». Немного подумав, решил вход слегка присыпать, чтобы никто не забрался. На что и потратил ни много ни мало полчаса драгоценного светлого времени суток.

Было уже восемь утра по местному, когда я наконец двинулся в путь. Самопальный навигатор в наладоннике худо-бедно функционировал, поэтому с ориентацией на местности проблем не возникло – я просто и без затей шагал на юг, по мере возможности маскируясь в буйно разросшемся в трещинах покрытия кустарнике. Другими укрытиями, как то: воронки, искореженные останки техники, куски пенобетона из разрушенных стен периметра – тоже не пренебрегал. Однако рельеф местности не всегда позволял двигаться относительно скрытно, довольно часто приходилось пересекать большие куски открытого пространства. На этот случай применил давно известную хитрость – наломал веток и навесил их на себя везде, где получилось. Смысл прост – необходимо смазать силуэт, сделать его неопределенным, расплывчатым, тогда далекому наблюдателю будет труднее зацепиться за вас взглядом, что вкупе с камуфляжной расцветкой обмундирования и снаряжения обеспечивает вполне приемлемый уровень маскировки. Вообще-то если по уму, то в таких условиях в одиночку действовать строго противопоказано. Тут нужна слаженная работа целой группы, с передовым дозором и арьергардом. И крайне желательно хотя бы одного Егеря в составе иметь – кто знает, какое зверье тут может водиться. Егеря по этой части самые крутые, убедился еще на стажировке. Их специально учат по внешнему виду животного определять ее характер, образ жизни, способ пропитания и соответственно повадки. Меня тоже учили, но полгода на полигоне – это не пять лет в академии, да еще с ежегодными практиками. Настоящий Егерь с первого взгляда определит, в какую часть тела зверя надо стрелять, чтобы убить гарантированно и одним выстрелом, даже если раньше с таким животным не сталкивался. Равно как и моментально вырабатывает стратегию поведения, чтобы избежать неприятностей. Я же верхушек нахватался и теперь

из себя крутого специалиста строю. Впрочем, за универсальность всегда приходится платить качеством полученных навыков, поэтому что Егерю, что рейнджеру в их епархиях я в подметки не гожусь. Умею всего понемногу. Разве что к стрелковой и рукопашной подготовке не придерешься, как и к тактической. Ну и некоторый багаж специфических технических знаний в наличии имеется.

За пару часов неспешным темпом отмахал около пяти километров, что для скрытного передвижения по захлавленной местности со сложным рельефом весьма неплохой результат. За это время пришлось пройти через расположение четырех истребительных эскадрилий. Вернее сказать, бывших расположений, поскольку от бывшей инфраструктуры остались только жалкие обломки. Все постройки разнесены чуть ли не в пыль, обломков больше метра в поперечнике просто не попадалось. Что характерно, разбитой техники в разы меньше, чем у складского комплекса. Хотя тут ничего загадочного нет – где еще могло скопиться значительное количество поврежденных аппаратов, как не у ремонтной мастерской? Непосредственно в расположении техники не было – что могло летать, летало, пока не получало свое. Ее обломки украшали пейзаж совсем в других местах.

Увиденное еще больше укрепило меня во мнении, что базу бомбили после того, как была сломлена оборона планеты – тщательно и не спеша, благо сопротивление оказать уже мало кто мог. Почему же тогда легорийцы не стали укрепляться в системе, а бросили ее на произвол судьбы и сунулись дальше в глубь территории Федерации? Практически захваченной системе они предпочли сомнительное удовольствие штурма новых укрепрайонов во Внешних мирах, а там оборонительные рубежи были не в пример мощнее. Взять ту же эпсилон Индейца – там войск базировалось чуть не в десять раз больше, чем на Ахероне, и флот многократно более сильный. Всем известно, чем закончилась операция в этой системе – вместо Внешнего мира мы получили кусок Фронттира, более того, запретную зону для любой гражданской деятельности. Заходить туда рисковали только военные. А здесь такой лакомый кусок брошен. Еще одна загадка.

По пути трижды встречал представителей местной фауны – все они оказались мелкими грызунами, аналогами земных зайцев. Наладонник услужливо подсказал, что здесь их звали ушанами – коротко и со вкусом. Не заморачивался народ с названиями, это я еще на инструктаже у Калинина заметил.

На исходе третьего часа удалось найти воду. Пришлось, правда, немного, примерно на полкилометра, отклониться от прямолинейного маршрута. Внимание мое привлекли здешние аналоги ив. Они обычно по берегам водоемов произрастали, вот и на этот раз я не обманулся. В ивняке обнаружилось совсем крошечное озерцо, скорее даже пруд искусственного происхождения, о чем свидетельствовали остатки дамбочки, когда-то перегораживавшей ручей. Она была частично разрушена, однако вода задерживалась в бочаге. Сам водоем зарос тиной, и из него выбегал ручеек, терявшийся в трещинах пенобетона взлетной полосы. Питал же озерцо другой ручей, чуть больше, и в нем вода была чистая, как слеза. Тестер из аптечки вредных примесей в ней не выявил. Насчет местных микроорганизмов я не беспокоился – перед заброской нас привили от всех известных болезней, к тому же универсальный антидот никто не отменял. А его у меня в запасе три упаковки. Так что можно вволю напиться и даже умыться. Переместив автомат за спину, чтоб не мешал, я откинул забрало шлема и стянул перчатки, засунув их под «разгрузку». Опустился перед ручьем на колени, потянулся к воде.

– Rrrrrrr... – сказал кто-то в зарослях ивняка.

Я медленно повернул голову в направлении звука и уперся взглядом в узкие желтые глаза с вертикальным зрачком. Глаза эти располагались на слегка приплюснутой кошачьей голове. Верный наладонник тут же выдал характеристику зверя, оказавшегося местной рысью. А что, похож! Этак раза в полтора больше своей земной родственницы, хвост длинный, полноценный, а не обрубок, а вот в остальном он повторял облик прототипа.

– Рррррыы... – снова подала голос пристально наблюдавшая за мной зверюга.

Из глубин подстегнутой адреналиновым выбросом памяти стремительно всплыли знания, полученные на стажировке в Центре подготовки Егерей. Рык тихий, неагрессивный, хвостом зверь себя по бокам не хлещет, сразу не напал. О чем это говорит? Скорее всего, я признан равным соперником, а может, и более сильным, к тому же он сыт – вон как брюхо выпирает. Попробуем разойтись мирно.

Постаравшись не отвести взгляда от желтых гипнотизирующих глаз, я предельно медленно выпрямился. Поднялся с колен и, не сделав даже намека на резкое движение, перевел автомат в боевое положение. Шаг назад, другой – и вот нас уже разделяло метров пять, не меньше. Для такого красавца это не преграда, одним прыжком перемахнет, но теперь у меня появился реальный шанс успеть всадить в него пулю. Зверь уловил перемену в моем поведении и решил не связываться со странным двуногим, от которого разило металлом и пластмассой. Еще раз коротко рыкнув, котяра неторопливо развернулся и скрылся в зарослях.

Уфф!.. Однако ссыкотно! Надо внимательнее здесь быть, а то, не ровен час, сожрут. Хотя странно, что это лесной житель на открытой местности делает? Забрел случайно в чужие владения? Очень может быть. Поэтому и не агрессивен, предпочел мирный исход. Земные рыси точно в лесах живут, причем преимущественно дремучих. Местный зверь по повадкам ничем не должен отличаться, строение его тела само за себя говорит. Не приспособлен он к жизни в степи. Теперь, видимо, в лес вернется, благо недалеко. А мне нужно остерегаться настоящего владельца обширных охотничьих угодий, по которым пролегал мой путь. Судя по каталогу из наладонника, в лесостепи хозяйничают волки – очень похожие на земных собратьев, только более крупные и окрасом темнее. И живут они, что характерно, стаями. Нарвусь на такую семейку, и мало не покажется.

Убедившись, что рысь действительно убралась, я все-таки напился вкусной холодной воды. Не отказал себе и в удовольствии плеснуть несколько пригоршней в лицо. Потом натянул перчатки, захлопнул забрало и продолжил путь.

Еще через час с небольшим добрался до пункта назначения. Укрывшись в тени чудом сохранившегося пролета периметра, осмотрел руины административного комплекса. Сохранилось, прямо скажем, немного. Создавалось впечатление, что здесь отбомбилась чуть ли не эскадрилья – настолько тщательно все постройки сровняли с землей. Можно было и не тащиться за десять километров, чтобы подобное увидеть. Хотя в таком положении есть и плюсы – одно направление отпадало. Теперь нужно было двигаться на север, через лес в сторону Полигона-1 и далее до Чернореченска. Других реальных вариантов попросту нет.

Прежде чем отправиться в путь, я все-таки решил осмотреть развалины вблизи. Максимально быстро преодолев открытое пространство, принялся осторожно нарезать круги по бывшему административному комплексу базы. Старания мои вскоре были вознаграждены – на месте штаба (если верить схеме) обнаружилось укромное местечко, образованное двумя вставшими под углом плитами межэтажных перекрытий. С трех сторон они были присыпаны строительным мусором, а с четвертой располагался довольно просторный вход – можно пройти, чуть пригнувшись, – в небольшой грот искусственного происхождения. Там я нашел свежее кострище – выходит, это место посещается аборигенами. С одной стороны, факт отрадней – на планете имеется население. С другой стороны, неизвестно, как это население отнесется к непонятному чужаку. Вот и думай, что дальше делать. Пообщаться с местными было бы неплохо, вопрос в том, как это осуществить. Кострище хоть и свежее, не более двух-трех дней, однако поди знай, когда сюда вновь кто-нибудь забредет. Сидеть в засаде в моем случае занятие бесперспективное – в самое ближайшее время придется озаботиться поиском пропитания. Сделать это проще в лесу. Да и укрыться там тоже не проблема. А торчать здесь, посреди развалин, без укрытия – весьма и весьма чревато, особенно в ночное время. Поэтому обойдемся без

общения. Сегодня до темноты успею вернуться к ставшему родным подвалу, переночую там и завтра с утра начну бросок через лес к полигону.

Выбравшись из грота, я вознамерился было отправиться в обратный путь. Однако не успел сделать и шагу, как на мой шлем обрушился мощнейший удар, отбросивший меня к завалу. Я с размаху впечатался спиной в плиту, еще раз сильно приложившись головой, и рухнул на землю. Автомат, который я просто держал в руках, не зафиксировав ремнем (неудобно с ним было в гроте), улетел прочь. Охренеть... Что это было? Я резво вскочил на ноги, рванул пистолет из кобуры и завертел головой в поисках обидчика.

Враг нашелся тут же. Рефлексы сработали мгновенно, и теперь я держал на прицеле троих странного вида людей, неспешно приближавшихся со стороны бывшего КПП, от которого в настоящее время осталась лишь куча щебня. Все трое высокие жилистые мужики, бородатые, с заплетенными в косы волосами. Судя по фигурам, приспособлены для ходьбы на дальние дистанции – длинные ноги, сухие тела, легкие движения. Как у кенийцев в земной Африке. Только в отличие от тех же кенийцев кожа у них белая, а волосы и бороды светлые с рыжеватым оттенком. Одеты как в историческом фильме – холщовые рубахи и штаны, на ногах нечто вроде мокасин с чувяками, предплечья обмотаны ремнями, по-видимому заменявшими наручи. Торсы прикрыты безрукавками из грубой толстой кожи, на головах шапки мехом наружу, типа малахаев. На поясах у всех троих короткие ножи, у одного за плечами лук довольно примитивной конструкции. Двое поигрывали копьями с листовидными наконечниками, а третий раскручивал ременную петлю с камнем. Все ясно, это он меня из пращи приложил. У этого третьего с пояса свисали еще и ножны с мечом. Вид у всех весьма решительный, по крайней мере, направленного на них пистолета нисколько не страшатся. Ну и что прикажете делать? Перестрелять всех троих или все же попытаться наладить контакт? Ладно, попробуем поговорить, пристрелить их всегда успею. Даже из пистолета.

– Мужики, хорош! Давайте поговорим! – крикнул я по-русски, ни на секунду не ослабляя бдительности.

Ответа не последовало. Все трое медленно приближались с оружием на изготовку. Тогда я попробовал пообщаться на интересе. Затем на английском. Все с тем же нулевым результатом – меня или не понимали, или просто игнорировали. Все так же вращалась праща в руках главного, судя по наличию меча. Вдруг он что-то гортанно выкрикнул и метнул камень. В тот же миг его напарники бросились на меня, занеся над головами копья...

Время привычно замедлилось от выброса адреналина. Уловив резкое движение, я нажал на спусковой крючок, попав главному в голову, и тут же кувырком переместился вправо, поднырнув под копьё одного из нападавших. Голова мужика с пращой взорвалась фонтаном крови, мозгов и осколков костей – УОД, хоть и пистолетный, для незащищенного человека страшная штука. Обезглавленное тело рухнуло наземь, а вылетевший в этот момент из пращи камень ушел в небо. Завершив кувырок выходом в положение «на колено», я мгновенно навел пистолет на ближайшего копеечника и всадил ему пулю в грудь. Этого на куски не разорвало, но чудовищным ударом отбросило на несколько метров. Грудь его превратилась в кровавое месиво – тоже однозначно покойник. А я уже целился в последнего агрессора.

Тот при виде лихой расправы оторопел и застыл в нерешительности. В последнее мгновение я удержал палец на спусковом крючке – хватит на сегодня трупов. Надо его в плен взять. С этой мыслью медленно вложил пистолет в кобуру и показал противнику пустые руки. Увидев, что я убрал оружие, он перестал колебаться – рванулся вперед и попытался провести укол копьем. Я ответил классическим приемом боевого самбо: ушел вправо-вперед, отвел жало копья мягким блоком, который сразу же перевел в захват, и врезал с правой ноги в живот. Боковым ударом противника отбросило на пару метров, при этом копьё, что характерно, осталось у меня в руках. Лишившись основного оружия, оппонент схватился за нож. Я легко отскокил, разорвав дистанцию, отшвырнул мешающее копьё и встретил блоком удар сверху. Мужик

бил хорошо, быстро и резко, даже пытался комбинировать, но успеха не достиг. Захватив руку с ножом, я врезал ему правым локтем в нос и саданул коленом по вооруженной конечности, вышибив клинок. Возвратное движение ноги перевел в классическую подножку и тут же взял руку на болевой контроль, лишив противника возможности оказывать сопротивление. Прижал слабо трепыхавшегося аборигена коленом к земле и сделал попытку продолжить общение.

– Ты кто? Почему вы напали на меня? Ты меня вообще понимаешь? – заорал я ему в ухо на интересе, потом продублировал по-английски и по-русски.

Тот в ответ забормотал что-то на совершенно незнакомом языке, подвывая от боли. Вот это номер! Судя по информации в наладоннике, до Войны на Ахероне население было все больше российского и европейского происхождения, если кто-то и не знал русского или английского, то уж интером владел в любом случае. А этот ни слова не понимает, да еще и сам изъясняется на жуткой тарабарщине, слегка похожей на смесь польского с болгарским. Не мог же русский язык всего за сотню лет так неузнаваемо измениться! И как население скатилось за столь короткий срок даже не в Средневековье, а где-то на уровень восьмого – десятого века нашей эры, если судить по одежде и оружию аборигенов? Или это один из туземцев, про которых вскользь упоминал Калинин на брифинге? Гуманоидного типа. Очень-очень гуманоидного – от человека не отличишь. Очередная загадка этого безумного мира.

А мне предстояло решить, как поступить с пленником. Убивать его совершенно не хотелось, возбуждение боя схлынуло, скоро отходняк начнется. Но и в плену его держать не с руки. Ладно, хрен с тобой, живи. Освободив многострадальную конечность, я убрал колено с хребта аборигена и отпрыгнул в сторону, благоразумно опустив руку на кобуру.

– Иди!

Парень недоуменно уставился на меня, и я продублировал команду жестом. Тот нерешительно поднялся с земли, но убежать не спешил.

– Вали-вали давай! А то передумаю...

Пленник сделал робкий шаг назад, затем еще один, и вдруг, подхватив оказавшееся у него под ногами копьё, с диким криком бросился на меня. И тут же словил в грудь пулю, швырнув его на кучу щебня. Даже напрягаться особо не пришлось – рука сама цапнула пистолет, безошибочно поймала цель, и палец нажал на спусковой крючок. Рефлекторно, на автомате. Вот и пощадил дурака... Нет, надо срочно валить отсюда. В лес, подальше от сумасшедших аборигенов. И кровь из носу, но найти хоть какой-нибудь источник информации!

Подобрав автомат, я решительным шагом двинулся в обратный путь. На скрытность перемещения наплевал – скорость будет сейчас лучшей защитой. Десять километров не расстояние, часа за полтора дойду по знакомому маршруту.

К лесу вышел быстро и без приключений. До темноты оставалось еще довольно много времени, поэтому от первоначального плана переночевать в подвале решил отказаться. Честно говоря, просто поленился откапывать вход. Ну его на фиг, лучше пройду сколько успею, углубившись в лес, а там и ночлег устрою. Наверняка какое-нибудь укрытие отыщется, в крайнем случае на дерево залезу.

Собственно, так и поступил. Лес оказался смешанным, лиственно-еловым. Понятно, что это я его так обозвал, наверняка местные деревья назывались иначе. Просто те, что украшены листьями, сильно напоминали земные дубы и березы, а хвойные весьма походили на ельник. Даже удивительно, как могло образоваться подобное сходство на двух планетах, разделенных пропастью в тридцать световых лет... И это проявлялось не только в деревьях. Животный мир вообще чуть ли не двойник земного. Чего только стоила рысь, встреченная у озера с питьевой водой. Любопытства ради я на ходу просматривал файлы из раздела «Ахерон. Фауна» и тихо офигевал. Ну не может быть такого сходства, однозначно не может. Однако получилось как в том фильме: «Видишь суслика? И я не вижу, а он есть...» Никакого вразумительного объ-

яснения наблюдаемым явлениям не существовало. Список загадок ширился, а ответа я пока не получил ни на один вопрос. Ну что ж, будем искать истину, которая, как известно, где-то рядом.

Лес вокруг простирался довольно густой, однако захламлен был на удивление слабо – почти не встречалось поваленных стволов, бурелома или непроходимых зарослей. Мне так ни разу и не пришлось задействовать предусмотрительно захваченное мачете, даже когда уперся в заросли местного малинника, сумел легко обнаружить в нем звериную тропу и миновать преграду. Продвигаться в глубь массива удавалось едва ли не быстрее, чем пробираться по сильно пересеченной местности на территории бывшей Базы-7. К тому же маскировкой можно было особо не заморачиваться – мой камуфляж как нельзя лучше подходил для скрытного перемещения в таких условиях.

В лес я вошел в три часа пополудни, таким образом, до темноты в запасе оставалось никак не менее четырех-пяти часов. За три часа удалось углубиться в лесной массив примерно на десять километров. За все время пути я не встретил ни одного животного крупнее зайца, или, по-местному, ушана. Этих-то как раз было много, такое ощущение, что естественных врагов у них нет. Хотя давешняя рысь убеждала в обратном. После одной из таких встреч добыл себе ужин – УС весом десять граммов и калибром 11,5 мм начисто снес зверьку голову, тот даже пикнуть не успел. Я, признаться, такого эффекта не ожидал. Зато до меня дошло, зачем в снаряжение Егерей в обязательном порядке входит компактный мелкокалиберный карабин. Живого веса в добыче оказалось примерно килограммов шесть, тащить ее с собой далеко не хотелось, а потому я мужественно принял решение подыскивать место для ночлега. Кое-как приторочив зверя к рюкзаку (пригодилась нейлоновая веревка, припасенная на случай связать кого-нибудь), побрел дальше, сосредоточив усилия на поиске укромного уголка. Таковой в скором времени нашелся – на берегу миниатюрного живописного озерца, к которому я вышел совершенно неожиданно.

С трех сторон его окружали плотные заросли местного ивняка, а с четвертой водоем упирался в неведомо откуда здесь взявшуюся скалу метров десяти высотой. К ней примыкал крохотный пляж, а россыпь довольно крупных валунов образовала у подножия нечто вроде пещерки. Из озера вытекал ручей с чистейшей, прозрачной водой. Приблизившись к скале, я обнаружил, что она состоит из изрядно изъеденного ветрами известняка, равно как и валуны рядом. Все понятно. Озерцо возникло на месте провалившейся карстовой пещеры и питалось подземными водами. Что ж, место весьма укромное, в гроте можно вполне успешно спрятаться от непогоды, буде таковая случится, да и от любопытных глаз тоже.

Первым делом, освободившись от рюкзака и автомата, я пустил в ход мачете и нарубил дров. Неподалеку нашлась сухая лесина в руку толщиной. Ее легко удалось разрубить на небольшие поленья и перетаскать к пещере. Получился довольно значительный запас топлива, которого должно было хватить на всю ночь. Впрочем, жечь костер постоянно я не собирался, он нужен был только для приготовления жаркого. Посуда есть, причем помимо фляжки с коньяком на поясе. Сухпай в егерском варианте комплектовался универсальным складным котелком с переменным объемом. В сложенном виде он представлял собой неглубокую тарелку сантиметров двадцати диаметром, а в разложенном – полноценную кастрюльку объемом три литра. Ну и промежуточных вариантов около десятка, по количеству металлокерамических колец, из которых он, собственно, и состоял. Раскладывалось это чудо на манер телескопической удочки, к тому же было оснащено ручкой, как у ведра, что позволяло его совершенно спокойно подвешивать над костром. Хорошая вещь, компактная и практичная.

Егерям порой по несколько недель приходится действовать автономно в условиях дикой природы, а потому вопрос приготовления пищи весьма актуален. Без такого архиважного девайса никак не обойтись. Плюс в тот же паек входит складной столовый прибор с ложкой, вилкой и небольшим ножом, скорее декоративным, чем действительно полезным.

Вы спросите, откуда на флотской базе егерские пайки? В этом нет ничего необычного – они только по номенклатуре проходили как «егерские», да и разрабатывались конкретно для нужд этого корпуса, однако широко использовались во всех специальных подразделениях, к каким, без сомнения, относилась и Морская пехота. Слишком уж широкий спектр задач нам приходилось решать, и среди них захват пиратских баз на планетах стоял не на последнем месте. Конечно, у каждого подразделения Морской пехоты есть специализация, но более всего в наших условиях ценилась универсальность. Она в свою очередь подразумевала снабжение на все случаи жизни. У нас на складе чего только нет, одних вариантов маскхалатов около десятка расцветок. И сухпайки всех мыслимых типов: от спецупаковок для использования в невесомости до арктических комплексных обедов повышенной энергетической ценности. В обычных же войсковых частях уже несколько веков солдаты на поле боя питались специальными рационами – готовыми блюдами в саморазогревающихся банках с одноразовой посудой.

Я все же решил не усложнять жизнь и просто поджарил зайца на вертеле, изготовленном из довольно толстой ветки. Освежевать ушана удалось легко – еще не забылись навыки, полученные на стажировке у Егерей. К тому же мой боевой обоюдоострый «стерх» оказался весьма удобным инструментом мясника. Поэтому уже через полчаса насаженная на заостренную ветку тушка жарилась на костре, разведенном в глубине пещерки. Я даже выкопал по такому случаю довольно глубокую ямку, дабы отблески огня никто не увидел в набежавших сумерках. Рядом висел котелок, в котором булькала закипающая вода – будущая грибная похлебка. В нее в скором времени превратится треть плитки концентрата.

Вход в пещеру я обезопасил проверенным способом – «растяжкой» из гранаты с лазерным чувствительным элементом. Крупный зверь не пройдет – разнесет на куски, а от всяческой мелочи прекрасно защищал боевой костюм. В этот раз шлем решил не снимать. С затекшей к утру шеей придется смириться.

Вскоре местный длинноухий грызун был готов, равно как и густое грибное варево, и я с удовольствием поужинал, приправив диетическое мясо солью и перцем из сухого пайка. Напился вкусной холодной воды из ручья, бравшего начало в озере, и не отказал себе в десерте – паре глотков коньяка с остатками шоколадки. После сытного ужина меня, как и следовало ожидать, стало неумолимо клонить в сон. Я особо не сопротивлялся и благополучно уснул. Перед сном лишь ополоснул котелок, чтобы к утру он не оброс слоем застывшего жира.

Кто-то может сказать, что я излишне беспечен. Не могу согласиться с этим утверждением. В условиях боевых действий такое поведение, без сомнения, выглядело неадекватным – нож в спину был бы обеспечен уже во время первой ночевки. Однако прошу учесть, что в этом случае я бы действовал в составе группы, и мы бы остановились на ночь с соблюдением всех требований безопасности и организовали охранение. В одиночку же в самом сердце довольно крупного лесного массива опасаться следовало только лесных хищников и мелких насекомых. При этом спать нужно в любом случае, поэтому приходилось идти на некоторый риск. Впрочем, на следующее утро, проснувшись живым и здоровым, я убедился, что в своих предположениях не ошибся.

*Система Риггос-2, планета Ахерон,
окрестности Базы-7
25 февраля 2535 года*

Ночь прошла спокойно. Пару раз я просыпался, потревоженный громким шорохом, весьма напоминавшим тяжелые шаги, а ближе к утру какой-то массивный зверь изрядно нашумел в прибрежных зарослях. Однако непосредственно в убежище никто лезть не пытался, а потому я благополучно засыпал, матерно обругав визитеров.

Мне снилась Ольга. Подсознание выуживало из памяти самые приятные воспоминания и оформляло в виде сновидений, немного ирреальных, но чертовски приятных. Открывать

глаза совершенно не хотелось – казалось, что стоит только проснуться, пусть на мгновение, и волшебная иллюзия тихо рассеется, оставив меня наедине с самим собой и окружающим миром. Однако, против ожиданий, каждый раз, повторно проваливаясь в сон, я вновь видел Ольгу – грустную или улыбающуюся, задумчивую или смеющуюся, но всегда одинаково обволаживающую.

Как известно, все в нашем не самом лучшем из миров имеет конец. Особенно быстро заканчиваются наиболее приятные вещи. Не стала исключением и нынешняя ночь, плавно перешедшая в предзвездные сумерки, а затем и в полноценное утро. Хочешь не хочешь, а пора вставать. Благо погода радовала – на небе ни облачка, безветренно, удивительно тепло для столь раннего часа. Ничего сверхъестественного – здесь лето в разгаре.

Как я вчера и предсказывал, шея дико затекла, так что я едва мог повернуть голову. Пришлось снять шлем и некоторое время потратить на массаж, пока не восстановилась нормальная циркуляция крови. Окончательно проснувшись, приступил к водным процедурам. Побрился, намазав лицо кремом-эпилятором с последующим смыванием. Был соблазн залезть в озеро целиком, однако осторожность победила – неизвестно, кто может обитать в нем. Да и оставаться совершенно голым, безоружным и, стало быть, абсолютно незащищенным совсем не хотелось. Потому ограничился всего лишь умыванием, зато предавался этому делу долго и с удовольствием.

Позавтракав остатками вчерашнего жаркого и воспоминаниями о кофе, который варил автомат на базе (что удивительно, во времена оны я этот напиток за кофе не считал, а теперь он казался верхом совершенства), я деактивировал «растяжку», навьючился имуществом и отправился в путь.

Базу-7 от объекта, обозначенного на карте как Полигон-1, отделяло без малого сто пятьдесят километров. За вчерашний день я покрыл около десяти. Учитывая, что сегодня вышел с самого утра, до темноты надо пройти не менее тридцати – сорока километров, по пути озабочившись добычей пропитания и поиском места для ночлега.

Шагалось легко и радостно. Это даже маршем можно было не считать – так, приятная прогулка. Никакого тебе бурелома, никаких непроходимых зарослей, да и овраги попались всего дважды. Собственно, овраги – слишком громко сказано, их даже обходить не пришлось – до того мелкие и с пологими склонами. Ближе к полудню меня ждал не очень приятный сюрприз – лес начал редеть, а потом оборвался опушкой. От места ночлега ушел километров на десять, прежде чем уперся в довольно широкую – километра три, если на глаз, – прогалину между соседними лесными массивами. А я и забыл, что настоящие леса только от полигона начинаются, а до него километров на сто лесостепь. Но это еще полбеды – к югу километров через двести сплошная степь раскинулась. Хорошо, что мне туда не надо.

Впрочем, пересечь поле все равно необходимо. Тут два варианта, и оба мне одинаково не нравились. Можно положиться на скорость движения, а можно на скрытность. Во втором случае потери времени обещали стать весьма значительными: совсем скрытно – это только попластунски. Такими темпами до полигона я и за две недели не доберусь. Пришлось идти на компромисс.

Я скрытно подобрался по кустам к самому полю и еще раз оценил обстановку. Оказалось все не так плохо – травостой был по пояс, растительность сочная и зеленая, самое время для сенокоса. Но здесь, по-видимому, подобной ерундой никто не заморачивался. Поэтому я решил идти чуть пригнувшись. Предварительно озабочился элементарной маскировкой, для этого вместо веток натолкал под ремни снаряжения пучки травы, не забыв несколько нацепить на шлем и горб рюкзака. Вполне сносно получилось, силуэт размывался достаточно качественно. Еще раз осмотрел себя и, довольно хмыкнув, отправился в путь. Шагать в скрюченном положении удовольствие сомнительное, чую, пока до леса доберусь, спина отвалится. Но придется терпеть.

Через каждые двести – триста метров я замирал и обращался в слух. Местность, хоть и открытая, ровностью рельефа похвастать не могла – поля тянулись волнами с небольшими, не более двух метров, перепадами высот, поэтому вполне можно было проложить путь по мелким балкам. Что, с одной стороны, облегчало положение – увидеть издалека меня было труднее, а с другой – могло неплохо сыграть на руку потенциальному противнику, потому как и я вряд ли смогу засечь его на достаточном расстоянии. Вот и приходилось полагаться на остроту слуха. Впрочем, в тех местах, где рельеф позволял, я осматривал окрестности через монокуляр с максимальным увеличением.

Прогалину пересек минут за сорок. И это с учетом частых остановок и низкого темпа ходьбы в положении пригнувшись. В общем, я остался доволен – скорость сохранил почти такую же, как и в лесу. Однако совсем без последствий обойтись не удалось – спину зверски ломило, и затекли ноги. Едва скрывшись в густом кустарнике опушки, я с огромным удовольствием рухнул на мягкий ковер из прошлогодних листьев и свежей травы и принялся массировать бедра. Продолжить путь смог лишь после пятнадцатиминутного перекура. Новый лесной массив все так же радовал чистотой и отсутствием серьезных препятствий.

До темноты еще раз пришлось пересекать открытое место. Второй лесной массив в ширину был чуть меньше пятнадцати километров, если верить карте, и отделялся от следующего островка леса четырехкилометровой прогалиной. В этот раз без приключений обойтись не удалось. Добравшись примерно до середины поля, я в очередной раз остановился и прислушался. И неожиданно уловил на самой границе слышимости странный шорох, сопровождавшийся тихим гулом. Я стоял на дне балки и разглядеть окрестности не мог. Поэтому пришлось скрытно выползти на самый взлобок, откуда и осмотреться, задействовав монокуляр.

Источник шума обнаружился быстро. С запада в мою сторону двигался караван. Колонна, конвой – как хотите, так и называйте. Состоял он из полутора десятков даже не повозок, а волокуш, которые тянули медлительные животные, весьма похожие на земных волков. Эти волокуши и издавали шорох, а гул складывался из шагов животных и голосов людей, которых было довольно много, не меньше полутора сотен. Женщины, старшие дети и старики покрепче шли пешком, прижимаясь к волокушам. Маленькие дети и немощные старики расположились среди тюков с разнообразным скарбом. Обогнав караван метров на пятьдесят, шла группа вооруженных мужчин числом полтора десятка – авангард. Точно такая же группа замыкала колонну. По бокам процессии двигалось еще по десятку воинов, охранявших сородичей от всяческих мелких неприятностей вроде нападения хищников, а заодно и следивших, чтобы никто не отстал – по недомыслию или от недостатка сил. Чувствовалось, что народ к подобным путешествиям привычен, порядок движения отработан и дисциплина блюдется. Не удивлюсь, если у них еще и передовой дозор имеется. Точно, вот они – на полкилометра вперед ушли. Тройка быстрых воинов в легком снаряжении. Хорошо, что они движутся почти в километре от меня, пересекающимся курсом. Я просто затаюсь, а они спокойно пройдут мимо. И будет нам всем счастье – мне не придется никого убивать, а им соответственно никого хоронить не нужно будет. Благо собак у них нет, некому меня засечь и выдать нервным брехом.

Караван неспешно тянулся на восток, а я лежал в невысокой траве, укрытый срезом взлобка, и внимательно наблюдал за людьми, впитывая информацию. Параллельно снимал происходящее на камеру монокуляра – потом на досуге можно будет пересмотреть материал, может, что полезное удастся обнаружить. Местные жители производили странное впечатление. Одежда простая, холщовая, кожаная обувь типа мокасин, причем у всех, от мала до велика. Женщины в юбках, мужчины в просторных рубахах и штанах, волосы у всех заплетены в длинные косы. Черты лица европеоидные, но складывалось ощущение, что есть в них толика восточной крови. Подавляющее большинство русые, черноволосых нет вообще, зато есть рыжие. Тела стройные, легкие, приспособленные для длительной ходьбы... Да что их расписывать, ничем они не отличались от тех троих, что на меня на базе напали. Мужики вооружены луками,

копьями и короткими кинжалами, мечей, топоров или палиц не видно. Доспехи в основном кожаные, равно как и небольшие круглые щиты. Женщины и дети постарше все как один с пращами. Серьезные ребята. Не хочется с такими связываться.

Взгляд снова сфокусировался на волокушах. И тут до меня дошло. Судя по одежде и вооружению, местное население было довольно высокоразвитым в плане ремесел. Однако в качестве транспорта использовались совершенно примитивные приспособления. Они не знали колеса! Уж до такого бы колонисты в любом случае не опустились. При этом народ занимался обработкой кожи и металла, ткал полотно. Очень странно. Опять вспомнились слова Калинина о гуманоидных туземцах.

Ну да бог с ними. Колонна благополучно скрылась в очередной балочке, и я продолжил путь. До леса добрался без приключений, передохнул в кустах на опушке и углубился в массив. Время уже шло к вечеру, и следовало озаботиться поиском места для ночлега. В отличие от предыдущего дня сегодня решил воспользоваться картой. Подходящее место обнаружилось километрах в пяти от опушки и как раз в северном направлении. Довольно обширное для такой местности – более километра в диаметре – озеро, с островком недалеко от южного берега. Карта не соврала – примерно через час я вышел к искомому водоему. Как это часто бывает, берега заросли ивняком и прочим влаголюбивым кустарником, а отмели красовались камышовыми стенами – чтобы добраться до воды, пришлось потрудиться. Островок метрах в ста от берега был увенчан довольно крутой известняковой скалой и густо зарос деревьями. Хорошее место для ночевки.

Я загерметизировал боевой костюм и шагнул в воду. Из всех возможных путей проникновения на остров выбрал простейший – решил просто перейти протоку вброд. Благо оружие воды не боялось, а рюкзак и подсумки на «разгрузке» влагонепроницаемые. Озеро здесь оказалось мелковатым – чуть выше головы в самом глубоком месте. А вот дно отвратительное – илистое, захламлено корягами, да и камыши с водяными лилиями изрядно затрудняли передвижение. Вода мутноватая из-за поднятого ила, но дорогу разглядеть можно. Через протоку перебрался благополучно, патроны-регенераторы вовремя включились в работу, среагировав на изменение плотности окружающей среды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.